

Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae (Журнал оториноларингологии и респираторной патологии)

Volume 15, № 3, 2009

Official Journal
of the International Academy
of Otorhinolaryngology -
Head and Neck Surgery

Chief Editor

Professor **George A. Tavartkiladze**,
National Research Centre for Audiology and Hearing
Rehabilitation

Managing Editor

Professor **Galina V. Lavrenova**
I. P. Pavlov Medical University

Published by

Folia ORL et PR — журнал Международной Академии Оториноларингологии — Хирургии Головы и Шеи (СНГ). Журнал издается на двух языках — английском и русском, публикует оригинальные статьи, исследования в области базисных наук (морфология, физиология, биохимия, etc.), клинических оториноларингологии и пульмонологии.

Folia ORL et PR is an academic journal. The journal publishes original papers on basic and clinical research, review articles, case reports and short communications in the major field of otorhinolaryngology and pulmonology, including physiology, morphology, diagnostics, pathology, immunology, oncology, medical treatment and surgery.

Адрес редакции

Всю корреспонденцию по подписке, рекламе и размещению статей для публикации направлять по адресу:

Россия, Санкт-Петербург 197022, ул. Льва Толстого 6\8

СПбГМУ им. акад. И.П.Павлова

Кафедра оториноларингологии

факс: (812) 233 64 37.

E-mail: marius@spmu.rssi.ru

Address for Correspondence

All correspondence relating to submission of articles, subscription, changes of address, advertisements and requests for back issues should be directed to:

I.P.Pavlov Medical University, ENT Department

6\8 Leo Tolstoy str.,

Saint Petersburg 197022, Russia

Telefax +7 (812) 233 64 37.

E-mail: marius@spmu.rssi.ru

Editorial Board

S.A. Karpischenko (Otolaryngology, Co-Editor)

M.M. Ilkovich (Pulmonology, Co-Editor)

M.Yu. Boboshko (Audiology, Co-Editor)

A.E. Shakhnazarov (Managing Secretary)

Advisory Board

I.I. Ababy	Kishinev, Moldova	Yu.N. Levashov	Saint Petersburg, Russia
V.F. Antoniv	Moscow, Russia	G. Lichtenberger	Budapest, Hungary
R.G. Anyutin	Moscow, Russia	Th. McDonald	Rochester, USA
S.B. Bezshapochny	Poltava, the Ukraine	C. Mocanu	Bucharest, Romania
V.P. Bradley	Nottingham, U.K.	V. Nasyrov	Bishkek, Kirghizstan
V.P. Bykova	Moscow, Russia	H. Negm	Cairo, Egypt
P. Clement	Brussels, Belgium	Yu.M. Ovchinnikov	Moscow, Russia
A.V. Chervinskaya	Saint Petersburg, Russia	V.T. Palchoun	Moscow, Russia
V.V. Diskalenko	Saint Petersburg, Russia	D. Passali	Siena, Italy
Fawzi Saheb	Amman, Jordan	G.Z. Piskounov	Moscow, Russia
G.A. Feigin	Bishkek, Kirghizstan	S.Z. Piskounov	Koursk, Russia
E.Ferekidis	Athens, Greece	M. Profant	Bratislava, Slovakia
V.A. Gerasin	Saint Petersburg, Russia	B. Schmelzer	Antwerp, Belgium
A.D. Gousakov	Zaporozhye, the Ukraine	A.G. Shantourov	Irkoutsk, Russia
E. Helidonis	Heraklion, Greece	V.P. Sitnikov	Gomel, Belorussia
S. Hellstorm	Umea, Sweden	A. Staffieri	Padua, Italy
M. Jakobowicz	Paris, France	F. Stucker	Shreveport, USA
K. Jahnke	Essen, Germany	G.E. Timen	Kiev, the Ukraine
V. Jahnke	Berlin, Germany	R.K. Toulebaev	Astana, Kazakhstan
G. Janczewski	Warsaw, Poland	V.I. Trofimov	Saint Petersburg, Russia
P. Karma	Helsinki, Finland	E.A. Tsvetkov	Saint Petersburg, Russia
Eu.B. Kern	Rochester, USA	D.I. Zabolotny	Kiev, the Ukraine
R.M. Khanamiryan	Yerevan, Armenia	M. Zargi	Ljubljana, Slovenia

ИЗ КНИГИ «ПЕРВАЯ АНГЛИЙСКАЯ»

Плужников Мариус Стефанович.
Родился 5 марта 1938 года в Ленинграде.

После окончания школы поступил на лечебный факультет Первого Ленинградского медицинского института им. акад. И.П.Павлова. После окончания института, с 1962 года работает на кафедре оториноларингологии. С первого февраля 1976 года возглавляет вышеуказанную кафедру и руководит клиникой.

За время работы заведующим кафедрой защитил докторскую диссертацию и создал Школу последователей. В 1988 году избран Председателем Общества Оториноларингологов СССР, в 1991 году - Президентом Международной Академии Оториноларингологии - Хирургии Головы и Шеи (IAO-HNS), академиком РАЕН, ЛАН РФ, МТА РФ, МАНЭБ, Professor Honoris Causa Польши, членом-корреспондентом Gesellschaft für Hals-Nasen-Ohrenheilkunde (Deutschland), American Society of Laser Medicine and Surgery.

В 1996 года присвоено звание «Заслуженный деятель науки России».

Член редколлегии всех отечественных журналов по специальности, редактор журнала Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae. Под его руководством выполнено двенадцать докторских и сорок шесть кандидатских диссертаций, опубликовано 468 научных трудов, включая четырнадцать монографий. Его биография опубликована в "Who is Who in the World". С 2000 года является Главным Оториноларингологом Санкт-Петербурга. В 2002 году получил премию "Признание - Лучшему врачу России".

Чуть-чуть о себе

Мой дедушка по отцу, Иван Иванович Плужников, был сапожником. В жены он взял молодую вдову с девочкой Наташей, украинку, которую звали Пелагея Матвеевна Крутоголовая. У них родилось четырнадцать детей, из которых выжили только три мальчика - старший Стефан, средний Григорий и младший Федор. Мой папа Стефан Иванович родился в 1902 году 15 августа в селе Мантурово Тимского уезда Курской губернии и до совершеннолетия был пастухом в упомянутом селе. В 1920 году его приняли на рабфак как сына крестьянина, а затем в Первый Ленинградский медицинский институт, который он закончил в 1928 году.

Мой дедушка по матери, Яков Васильевич Буров, происходил из рабочей семьи и, начав простым подсобником, дослужился до мастера на Балтийском заводе и стал большим специалистом по корабельным пушкам, которые он устанавливал на броненосце "Потемкин" и в укрепрайоне полуострова Ханко в Финляндии. Он происходил из Старицкого района Тверской губернии и в родном селе Баканово выбрал себе невесту - Прасковью Гавриловну Степанову. У них родились две девочки - старшая Вера и младшая Александра. Вера и стала моей матерью.

Моя мама родилась 28 августа 1908 года в Севастополе. Она вышла замуж за моего отца в 1929 году, и они уехали в Среднюю Азию, куда отца направили на борьбу с басмачами, так как после окончания института он был призван в армию. В 1931 году у них родилась дочь Людмила на ст. Серово недалеко от Ташкента, а я родился 5 марта 1938 года на Невском проспекте, 134, где семья жила по возвращении из Средней Азии в маленькой комнатухе в коммунальной квартире. К этому времени мама уже была врачом, закончив первым выпуском в 1936 году Педиатрический институт. Недолгое время она работала терапевтом, но впоследствии, вплоть до самой пенсии, микрopedиатором, возглавляя отделение недоношенных детей в родильных домах.

Отец воевал на Халкин-Голе, с Германией и Японией. Когда началась война с Германией мама со мной, с сестрицей и бабушкой сумели вырваться из блокадного Ленинграда. Мы долго уходили от наступающих немцев через Калининскую, затем Ярославскую области по Волге, на теплоходе, под сплошными бомбежками, от которых сестрица стала заикаться. Наконец, мы осели в Семипалатинске (Казахстан), где маму определили в тыловой госпиталь врачом. Оттуда в 1944 году отец всех нас вызвал в Монголию, где он возглавлял полевой госпиталь в Сайн-Шанде. Уже тогда началась концентрация наших войск против Квантунской армии, стоящей в Манчжурии. Я начал ходить в школу в Чойболсане, но вскоре война закончилась, и нас теплушками через всю страну отправили в Ленинград. Прибыли мы только в январе 1946 года. В школу я пошел с восьми с половиной лет, потеряв много времени из-за длительной эвакуации.

В 1946 году в стране был ужасающий голод. Все что принадлежало нашей семье, пропало в блокаду. После долгих мытарств мы перебрались на другую квартиру на ул. Правды (У Пяти Углов)

Школьные годы

“В воспитании всё дело в том, кто воспитатель”.

Д.И.Писарев

“Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом”.

А.Франс

Детство.

Мы, то есть, папа, мама, сестрица моя и я жили у “Пяти Углов”, а я во II-IV классах ходил в школу № 299 на Разъезжей улице. Учителей я не помню.

В четвертом классе каждый день после занятий мы оставались драться. Дрались огромной толпой, все вместе, чаще всего портфелями, и без всякой на то причины. Стоило немного зазеваться, и можно было крепко получить по голове портфелем. Не дай Бог, упасть, так как жестокость дерущихся обрушивалась на лежащего: на него сталкивали ещё нескольких участников драки, что, в конце концов, приводило к огромной куче барахтающихся тел, выбраться из которой можно было, но ценой, как минимум, хороших синяков и ссадин.

Под конец четвертого класса стихия бурсацких драк стала приобретать элементы организованности под лозунгом - “Облом” такому-то!”. Клич этот шёл, как правило, от одного великовозрастного нашего одноклассника, который учился то ли третий, *то ли четвертый год подряд в 4 классе*, курил и дрался “бляхой” - довольно опасным приемом, заимствованным от фэзэушников: ремень наматывался на кисть и удар производился широкой металлической площадкой на конце ремня “в лёт”, что неизбежно при попадании у противника рассекало кожу и вызывало кровотечение. Этот парень сам по себе и как-то незаметно стал у нас предводителем или даже больше - царьком, безраздельно властвовавшим над массой.

Однако, в мае 1950 года, как раз перед экзаменами, произошла трагедия: наш тиран и самозванный вождь “на спор” решил с папиросой в зубах пройти по карнизу из уборной в соседний класс, сорвался и полетел с пятого этажа вниз. Все бросились посмотреть, что с ним стало.... Он оставался жив ещё минуту - другую с разорванным животом и вывалившимися на асфальт кишками и, умирая, сказал тихо: “Не говорите маме!”

История получила широкую огласку, включая драки после занятий, и дошла до моего отца. Он в присутствии матери учинил мне допрос и, ничего не добившись, стал экзаменовать по немецкому языку. Сам он язык этот изучал всю свою жизнь по гроссбуху Денкера и Альбрехта и считал немецкий языком науки и будущего, несмотря на поражение Германии. Я же, как и весь советский народ, ненавидел немцев и их язык, а учительница по немецкому вообще боялась входить в наш класс из-за постоянных оскорблений и диких выходок учеников.

На вопросы отца я быстро отрапортовал: “Wir fahren, wir baden, Es lebe Genosse Stalin, es lebe unsere Heimat!», причем, всё это подряд, без пауз, энергично и быстро. На этом мои знания в области немецкой филологии резко обрывались.

Несмотря на явную ограниченность моих познаний, отец неожиданно заключил, что у меня есть явная тяга к языкам. На этом Семейный Совет успешно и завершил свою работу (как мне показалось).

На самом деле всё было гораздо сложнее. Когда я уснул (у нас была одна комната, и кровать родителей находилась за фанерной перегородкой, оклеенной “для красоты” обоями), родители продолжили Совет, который подслушала моя склонная к фискальству сестрица. Утром она со злорадством (я часто дрался и с ней) мне

сообщила, что я расту форменным хулиганом и скоро отец “выбьет из меня дурь”: будет нанят учитель, и я буду зубрить английский всё лето без передышки, а осенью буду сдавать экзамен в какую-то особую школу.

Так всё и произошло. Ни на какую дачу летом я не поехал, а остался с отцом в городе, который меня сам отводил три раза в неделю на занятия и каждый день проверял, что я подготовил за день, хотя по-английски ничего мы оба не понимали. Учитель рекомендовал изготовление так называемых карточек, на одной стороне каждой из которых было русское, а на другой стороне - английское написание слова с фонетической транскрипцией.

За лето я выучил больше 1000 карточек, видимо обладая неплохой механической памятью, но никак не мог добиться соединения слов в предложения, воспринимая грамматику как нечто чудовищное и непостижимое. Отец вполне был удовлетворен моим словарным запасом, однако, часто, проверяя знание мною “карточек” с подозрением спрашивал, не вру ли я ему, так как написание английских слов почти всегда не соответствовало их произношению, и это его нередко повергало в большое недоумение.

Наконец, в конце августа, мама как-то нарядила меня во всё чистое и “хорошее” в том числе в рубашку с отложным белым воротничком, и я за руку с отцом отправился по ул. Рубинштейна на Фонтанку 48 в школу № 213 с преподаванием ряда предметов на английском языке, как она тогда называлась. Отец трусил больше меня и, когда мы шли по улице, давал мне какие-то непонятные советы, почему-то шепотом, так что я ничего не слышал и воспользоваться его рекомендациями и наставлениями в дальнейшем никак не мог.

А дальнейшее показало следующее. Мы долго ждали приёма у директора, а тем временем отец униженно здоровался со всеми преподавателями и каждой преподавательнице “целовал ручки”. Наконец, нас пригласили. Кабинета я не помню, но директор произвёл на меня неизгладимое впечатление. Это был высокий черноволосый, очень смуглый мужчина. Загар его контрастировал со светло-серым “мундиром”, иначе не назовешь его пиджак, который был наглухо застёгнут на золотые форменные пуговицы.

Когда какая-то женщина вдруг что-то мне сказала по-английски, я ничего не ответил, ни слова не поняв, а всё тарасился, пораженный, на мрачную фигуру директора, молча восседавшего в кресле и гипнотизировавшего меня как удав. Тогда та же женщина, что проявила ко мне интерес на английском языке, как-то мягко и ласково попросила меня сказать хотя бы что-нибудь по-русски. И тут я выдал без запинки целую пулеметную очередь разных не связанных друг с другом слов, перевел дух и в еще большем темпе продолжил эту свою деятельность перед ошарашенной аудиторией. Вдруг директор Федор Иванович встал и густым громовым голосом сказал, как вырубил в камне, указав на меня своим огромным пальцем, как красноармеец с плаката В.В.Маяковского “Мало-,”... и выдержав паузу в течение которой я чуть не потерял сознание, закончил “...дец!” и опустил палец. Вот так я и стал учеником 5 б класса 213 школы.

Когда меня ввела в наш класс Мария Ивановна, кто-то выкрикнул: “Смотрите, Длинный пришел”, имея ввиду мой рост. Я подозреваю, что этим крикуном был Славка Жуков, который еще несколько лет продолжал звать меня Длинным, но это прозвище ко мне не прилипло.

Во время первой же большой перемены ребята устроили мне экзамен, не зная, что до этого я прошел особую и хорошую «школу» в другой школе на Разъезжей. Главным силачом класса был Петя Чибор, довольно рослый и мускулистый парнишка. Не помню предлога, но мы начали драться, причем Петя как-то странно прыгал вокруг меня, размахивая руками, одной из которых он случайно разбил мне губу. Меня это

очень обозлило, но я не стал отвечать ударом на удар, а попросту сгреб его в охапку и повалил на пол, крепко прижав его всем телом. В этот момент раздался общепринятый в те времена сигнал опасности: “Атас!” - и мы разбежались по своим партам, так как перемена кончилась, и в класс вошла Мария Ивановна. Конечно, после “стычки” с Чибором я стал полноправным членом коллектива 5 “б”.

Посадили меня на предпоследнюю парту с Толей Андроновым, с которым я конфликтовал целый год. Он постоянно глупо хихикал, ставил кляксы мне в тетрадь, и целый день боролся со мной “ногами” под партой, а после занятий мы с ним оставались в классе и дрались до самого полного изнеможения. То ли от усталости, то ли от обиды, что он не может меня одолеть, Толя начинал плакать, и мы, обнявшись, шли вместе домой.

На парте передо мной сидели два маленьких мальчика, один побольше - это был Миша Мартынов, а другой - самый маленький в классе - Вадик Максимов. Сидевший передо мною Миша Мартынов совершенно по необъяснимой причине всегда держал Вадика за ухо и периодически его мял потихоньку до красноты. Вадик сперва сопротивлялся, но потом привык, так что к концу 5 класса ближайшее к Мише ухо Вадика было оттопырено, как у современной Чебурашки и в целом создавало особый “асимметричный” облик Вадика.

Как потом выяснилось, оттянутое ухо Вадика и мои драки с Толей Андроновым явились теми двумя решающими факторами, которые послужили основанием рассадить Мишу с Вадиком, а меня - с Толей. Так мы оказались с Мишей на одной парте до конца школы, а если говорить образно - то и до конца жизни.

На меня очень сильное впечатление произвела общая атмосфера и дух, царившие в школе. Если у нас на Разъезжей главными авторитетами выступали двоечники и всякого рода изобретатели пакостей и зачинщики драк, то здесь я обнаружил, что все стараются учиться, а уважением пользовались ребята с хорошими знаниями или настоящими талантами. Учителя у меня вызывали восхищение тем, как они интересно строили свои уроки и не допускали (я во всяком случае не помню такого) возможности или ситуации, когда личность ученика могла бы быть унижена или его человеческое достоинство задето.

Тем не менее, ученики учиняли иногда всякого рода курьезы, но эти “оригиналы” незаметно, но решительно “вычищались” из наших рядов. Взять, например, Маслова, который, в общем-то, был неплохой, безобидный мальчишка, но забавлял народ такими, к примеру, проделками, как, скажем, намачивал в чернилах промокашки и с аппетитом их поедая у всех на глазах. Это могло на момент удивить как цирковой номер, но дальше не шло и не индуцировало подражания.

Каждое утро мы выстраивались в Актовом Зале на втором этаже с широкими окнами на Фонтанку и Аничков Дворец и хором под руководством Федора Ивановича Щеголева пели гимн Советского Союза на английском языке: “Unbreakable Union Republics of Freedom....”, Позднее (может быть, потому что не стало Федора Ивановича, а к руководству школой пришел А.Д.Долинский, весьма аморфная и никак не колоритная фигура), по утрам мы стали петь песню с опереточной жизнерадостностью “Komsomolians of a brave and restless heart...,” но видимо, на этой самой песне традиция впоследствии и заглохла.

Общий дух школьного совершенствования захватил и мою плохо организованную натуру, так что я сумел перебраться в шестой класс, зазубривая все подряд. Вскоре мой английский словарь стал самым большим в классе, и я гордился, когда меня ребята спрашивали английское значение того или иного русского слова. Анна Федоровна Исакова стала выделять меня в этом, деликатно не замечая мою полную неспособность самостоятельно отвечать на поставленные вопросы. Она часто демонстрировала всей нашей английской группе, как блестяще говорит Сережа

Соловьев. Впрочем, он поражал меня не только английской, но и русской речью, а именно, не смыслом высказываний, а быстротой реакции и скоростью речевого потока. Кстати, он не был усидчив и часто раздражал Анну Федоровну, которая, сердясь, делала “большие глаза”, устремляла их поверх наших голов и пускалась в длинную нотацию. Каждый раз ее педагогический спич начинался словами: “Советское Правительство лично мне поручило ваше воспитание и т.д.” Речь ее подчас длилась все 45 минут при гробовом молчании группы.

Анну Федоровну уважали, так как она была старшей по возрасту и специалистом очень высокой квалификации. К Марии Ивановне Доброродовой - другой преподавательнице английского языка в нашем классе, я относился критически и радовался, что не попал к ней в группу, так как она довольно странно, сюсюкая, произносила звук “the - [θ].

Из детских впечатлений особенно яркими были эпизоды, связанные с изучением английского языка.

В пятом классе наша группа занималась с Анной Фёдоровной в специальном кабинете на первом этаже. Он выходил в сторону узкого переулочка, на другой стороне которого была знаменитая впоследствии женская школа № 216. Привилегированность кабинета состояла в том, что в нем был магнитофон, довольно внушительных размеров неуклюжий агрегат. Анна Федоровна обращалась с ним весьма почтительно, примерно как с прищельцем из иных миров или величайшей исторической ценностью (несмотря на размеры, его вскоре благополучно стащили через окно со стороны упомянутого выше переулочка). Записи на магнитофоне отличались ужасающей скукой и занудностью (воры наверняка поразились этим записям, обнаружив их вместо популярного тогда Лещенко или джаза). В основном, там были представлены интонации типа tune II и tune I и трудные звуки, такие, например, как [θ] и [θ].

Анна Федоровна обожала фонетику, в особенности, толстый учебник Витомской, сухие идеи которой она с энтузиазмом рекламировала с помощью нашего чуда техники. Как сейчас слышу ее голос, специально взрывающий t в скороговорке “Tom took Ted to town ten times” и ее постоянные призывы: “Кончик языка - в апиальном положении!” У нас была специальная тетрадь по фонетике, на первой странице которой красовалась схема ротоглотки и полости рта, по которой Анна Федоровна каждый день уточняла, где у нас находятся альвеолы, как выглядит язык в дорсальном положении и почему надо “петь” звонкие консонанты.

Однажды она сказала, что к нам на занятия приглашен один выдающийся человек - переводчик русской поэзии на английский язык, что он родился в Англии и знает английский так же хорошо, как родной русский. Естественно, при этом она воспользовалась случаем и из самых добрых чувств долго читала нам проповедь о хорошем тоне и о должном поведении, запугав нас до предела приходом именитого гостя из легендарной Англии.

И, действительно, когда Лев Васильевич Хвостенко появился в классе (возможно, на фоне прелиминарной психологической настройки) от страха мы потеряли дар речи. Он был (так нам тогда казалось) огромного, почти гигантского роста, с черными-черными прямыми и длинными волосами, довольно бледной кожей и в коричневом костюме (тогда все ходили в костюмах цвета пыльной панели). Он, любезно улыбаясь, заговорил с Анной Федоровной на неизвестном языке, а потом обратился к нам, медленно и четко произнося каждое слово, но все же не так как Анна Федоровна, а как-то по иному. Увидев испуганное молчание, он что-то сказал Анне Федоровне, и та по-русски пояснила, что Лев Васильевич споет для нас английскую детскую песенку. Мы не успели удивиться, как этот огромный мужчина необычного вида довольно тонким голосом вдруг запел:

*Jack and Gill went up the hill
to fetch a pail of water
Jack fell down and broke his crown
and Gill came tumbling after
Then up he got and home did trot
as fast as he could caper
They put him to bed and plastered his head
with vinegar and brown paper.*

Страх наш сразу куда-то пропал, все заерзали на партах и одобрительно зашумели, и кто-то из наших, по предложению Анны Федоровны, прочитал стихотворение: “The coach is at the door at last..., которое мы по системе Витомской по-буквенно и по-звучно учили чуть ли не четыре месяца. Лев Васильевич нас похвалил, и они с Анной Федоровной торжественно удалились из кабинета. Тогда впервые у меня возникло особое состояние души, которое бывает, когда сталкиваешься с большим талантом, и это соприкосновение тебя самого почему-то делает богаче, умнее, и, казалось бы, талантливее, даже если у тебя и вовсе нет никаких дарований.

Другой неожиданностью и ярким, своеобразным впечатлением детства “явился” Иосиф Наумович Гишинский, когда он появился впервые в нашем классе. Тощий, в болтающемся на нем, как на вешалке, черном пиджаке и в толстенных очках, подслеповато смотревших на нас. Он начал курс английской литературы с Beowulf и со ставшей знаменитой впоследствии фразы: “Beowulf was a huge monster...”. Уже на следующий день, когда Иосиф Наумович появился в дальнем конце коридора, многие радостно завопили: “Monster идет...”.

Когда же мы стали постарше, никто его уже не звал “Monster”, а наоборот, мы испытывали к нему искреннее чувство благодарности и величайшего уважения. Он нас всех любил и хорошо знал. Совсем недавно, года за два до его кончины, я встретил Иосифа Наумовича на Невском у Екатерининского садика и поздоровался с ним. Прошло сорок с лишним лет после окончания школы. Он, уже совсем слепой, шел почти “на ощупь”, но признал меня, назвав по имени и фамилии, и добавил шутливо: “Помню, помню и все проделки твои помню...”.

И еще мне хотелось бы сказать совсем немного, но все же сказать о Юрии Сергеевиче Силине, которого все знают не только по его учебнику географии, выученному мною наизусть, но и его необычному, особому отношению к ученикам, отличавшемуся величайшей серьезностью и требовательностью. Во-первых, я никогда не слышал его, говорящим по-русски. Во-вторых, он привил многим вкус к французскому, когда вел факультатив, который, по лености своей, я не посещал, о чем до сих пор премного сожалею. Именно Юрий Сергеевич в моем овладении английским сыграл решающую роль, хотя он сам об этом никогда и не подозревал.

Случилось это так. Где-то на крыше школы что-то загорелось, и дым появился в помещениях второго этажа. Поступила команда всем освободить классы и бежать вниз. В большом возбуждении и, конечно, в радости, что не будет уроков, мы бросились, толкаясь, вниз по центральной лестнице с бессмысленными криками ликования, как вдруг, слету, я наткнулся на озабоченного, ничего не понимающего Юрия Сергеевича Силина, который только что, видимо, вошел с улицы в школьное здание. Он остановил меня резким толчком и в упор начал задавать вопросы по-английски о том, что произошло и почему такое массовое паническое бегство. Что случилось с моей головой - я не могу понять до сих пор. Было ли это озарение или просто возбуждение или страх пожара, но я впервые в жизни и неожиданно для себя самого заговорил по-английски, не задумываясь о грамматике и прочей чепухе, свободно и точно выражая себя по смыслу.

С тех пор я продолжаю это делать, помня, сколь многим я обязан школе, своим учителям и товарищам, которые останутся в моей душе как самое сокровенное и дорогое до конца жизни.

THE REVEREND ROGER STUBBINGS,

Chorley, Lancashire, England

In many ways my own first meeting with Marius Stefanovich resembled one of those chance encounters depicted in some of his short stories. I was an English clergyman, at that time serving in Liverpool, when, one evening in the early 1990's a clergy colleague rang to invite me to coffee at his house. A member of his church choir who was an eminent British ear, nose and throat surgeon (Philip Stell) had a visitor from Saint Petersburg and the colleague, knowing I had a degree in Russian, wondered whether I would like to meet him. I shall always be grateful for that phone call, as that chance meeting over a cup of coffee began a friendship that lasted almost twenty years. Thereafter, visits to St Petersburg were never complete for me without seeing Marius. To be in his presence unfailingly gave even greater zest to life itself. He was a giant in the land, and all the lives he touched became recipients of his expansive and generous personality. On a personal level, I shall always be grateful for the kindness and help I received from him and Tatyana Ivanovna during the two extended periods of sabbatical leave I had in St Petersburg in 1993 and 1999. My visits to his Department made me increasingly aware of the fact that his great service in the field of otolaryngology was not just to the Medical University, nor just to St Petersburg or to Russia, but it was honoured and valued in so many places throughout the world, as so many people will be grateful to Marius for their health, many without knowing it because of the benefit which his research, his lectures and papers has brought to others. I have valued greatly too his 'other life' - as a short story writer. Only recently in the Australian city of Adelaide I found myself retelling from memory to the Polish lady who cleaned my hotel room Marius's poignant story "Lena". I treasure, and will treasure even more now, the copies of his short stories which are on my bookshelves. They and so many other warm memories will ensure for me that his great voice is never silent.

The Reverend Roger Stubbings, Chorley, Lancashire, England

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРИУСЕ СТЕФАНОВИЧЕ ПЛУЖНИКОВЕ

Профессор В.О. Ольшанский (Москва)

Моя первая встреча с Мариусом Стефановичем произошла в 1987 году на защите докторской диссертации Н.К. Санжаровской в Ученом Совете 1-го Ленинградского медицинского института им. акад. И.П. Павлова. Я с удовольствием согласился выступить в качестве оппонента в этом Совете не только из уважения к Нелле Константиновне, но и потому, что очень люблю этот город. Опасаясь, опоздать, я заблаговременно приехал и ждал начала процедуры.

Внезапно дверь в зал заседаний открылась, и вошел энергичной походкой высокий мужчина. Лицо его озаряла приветливая улыбка, и каждый, с кем он здоровался, так же отвечал ему улыбкой. Глаза его светились тем особым блеском, который свойственен творчески одаренным людям.

Защита Н.К. Санжаровской прошла очень успешно. Выходя из зала, я случайно или по воле судьбы оказался рядом с Мариусом Стефановичем. Он был любезен и сказал, что заочно давно знаком со мной. Увидев мое недоумение, он пояснил, что был «черным» оппонентом на моей докторской диссертации и дал очень хороший отзыв. Так началась наша дружба, которая украсила и духовно обогатила мою жизнь.

Любимым детищем Мариуса Стефановича была международная «Академия оториноларингологии – хирургии головы и шеи», которая была создана им в 1991 году. Он считал, что привлечение к работе в Академии большого числа известных российских и иностранных ученых позволит определить высокий уровень современных научных исследований. Мариус Стефанович чутко и внимательно реагировал на все новое, что появлялось в научной литературе. Когда в 2004 году появилась моя монография, посвященная реабилитации голосовой функции с помощью протезов, Мариус Стефанович одним из первых прислал мне письмо, где выразил свое отношение к моей работе. Сколько в этих коротких строчках было внимания, поддержки, заботы и дружбы! Привожу эти дорогие для меня слова: «Большое спасибо Вам, мой дорогой, за замечательный подарок – Вашу книгу. Ваш большой опыт в реабилитации голоса у ларингоэктомированных больных бесценен. Я очень дорожу Вашим вниманием и всегда рассчитываю на взаимопонимание и дальнейшее сотрудничество».

На ежегодных сессиях Академии обсуждались лучшие научные работы отечественных и иностранных ученых. Большое внимание уделял Мариус Стефанович молодым ученым. Практически на каждом заседании Академии проходили конференции молодых ученых из разных стран. Победителю конкурса на лучшую работу предоставлялась возможность бесплатно пройти в течение месяца стажировку в одной из ведущих клиник различных стран. Существовали также поощрительные премии.

Известно, что истинный талант, как бриллиант, сверкает многими гранями. Мариус Стефанович был разносторонне одаренным человеком. Он не только был талантливым ученым, прекрасным руководителем и организатором, но и обладал незаурядным литературным даром. В моей домашней библиотеке среди книг русских и зарубежных классиков стоит как бесценный подарок книга Мариуса Стефановича «Pot Pourri» (избранные рассказы) с трогательной дарственной надписью.

Как горько, что он ушел от нас так рано. Но он остался в наших сердцах яркой звездой, свет которой не гаснет.

Профессор Г.А. Фейгин

Я благодарю судьбу, что текущие два десятилетия позволили мне принять участие в организации и работе Международной Академии оториноларингологии – Хирургии головы и шеи (МАО-ХГШ). Инициатором формирования и бессменным ее президентом до тяжелой болезни был профессор Мариус Стефанович Плужников. Он смог узаконить существование академии, благодаря своему авторитету и умелому обоснованию необходимости ее образования. В этой созидательной работе сыграли определенную роль и отоларингологи Кыргызстана и Армении. Именно в этих республиках удалось через Министерства юстиции узаконить филиалы МАО-ХГШ, что было крайне необходимо для того, чтобы Мариус Стефанович смог окончательно узаконить Академию через соответствующие правительственные структуры. В этой работе, оказавшейся не такой простой, серьезную помощь мне оказал Немат Сеидович Малаев – заведующий ЛОР-отделением БНИЦТиО.

Значение Международной Академии ORL-HNS и работу ее Президента трудно переоценить. Она и потрясающий талант Мариуса Стефановича позволили объединить не только отоларингологов, хирургов головы и шеи стран СНГ, но и оживить деятельность и способствовать их выходу на международную арену. В настоящее время в ее составе представлены академики из стран Западной Европы, США, Иордании, Египта, Турции и других стран. Академия содействовала нашему участию в работе Международных и Европейских конгрессов, съездов отоларингологов некоторых государств, состоявшихся в Будапеште, Сиднее, Братиславе, Берлине, Риме, Минске, Санкт-Петербурге, Хельсинки, Стокгольме, Сан-Франциско, Витебске и Мисхоре. В Бухаресте и в перечисленных городах были проведены также ее годовые собрания. В сентябре 2001 г. такое собрание было проведено в Кыргызстане. Оно оказалось очень полезным для ЛОР-специалистов нашей республики, принявших самое активное участие в его работе. Благодаря работе Академии, мы не только познакомились с достижениями современной отоларингологии, но и получили возможность поделиться нашими достижениями. В частности, мои доклады были опубликованы в трудах Международного конгресса ЛОР-ХГШ в Сиднее и Европейского конгресса ЛОР-ХГШ в Будапеште, а также в «Folia Otorhinolaryngology», являющейся официальным журналом Академии ЛОР-ХГШ.

Особый интерес представляет работа Международной Академии ХГШ с молодыми отоларингологами. Большая их часть (24) была проведена в Санкт-Петербурге. Каждый раз ее рабочим языком был английский. В них приняли участие и наши молодые специалисты Геннадий Миненков и Юлия Вольф (Тристан). Оба они заняли призовые места, что для меня было большой радостью.

Тяжелая болезнь оборвала эту деятельность Мариуса Стефановича. Но будучи человеком большого ума, патриотом специальности и своей Родины, а также невероятного мужества, на последнем годовом собрании МА ЛОР-ХГШ он рассказал о своей болезни и попросил освободить его от руководства Академией и предложил новую, достойную по всем параметрам кандидатуру президента профессора Георгия Абеловича Таверткиладзе. Собрание единогласно утвердило его рекомендацию, но при этом сочло необходимым присвоить М.С. Плужникову звание Почетного Президента.

В течение последних 20 лет у меня с Мариусом Стефановичем сложились дружеские отношения. Они были очень теплыми, и все, что он пережил в последний год своей продолжительной и мучительной болезни, было мне известно. Во время каждой в этот период встречи и множества телефонных разговоров я видел и чувствовал в нем человека, любившего жизнь, окружающих его сотрудников и друзей. Он с колоссальным упорством боролся с болезнью, но при этом не забывал о будущем кафедры, отечественной оториноларингологии, своем литературном и научном

наследии. В это время он пишет стихотворение, которое без слез невозможно читать и которое подтверждает сказанное:

*Над прошлым я совершил свою вендетту,
Я вспомнил юности прелестную Одетту.
Я вспомнил все, и воскресил я всех,
Кого боготворил, и тех,
Кого любил за дружбу и радости утех,
За счастье несравнимое прозренья,
Познание истины...
Но опоздали все моления,
Когда надежд на будущее нет,
И лишь маячит лунный свет
Иных миров, непознаваемых и вечных.*

Это стихотворение было написано дорогим мне человеком, когда он знал, что ему осталось жить недолго и в предсмертных мучениях. Поэтому оно заканчивалось словами, которые мог произнести только человек, обладающий мужеством и невероятно любивший жизнь.

Я, находящийся теперь вблизи к нему, на финишной прямой своего жизненного пути, уверен, что твоя жизнь, Мариус, не прошла даром. Тебя будут помнить сотрудники, твои друзья, с которыми ты будешь в течение всех оставшихся, отведенных им дней, периодически встречаться во сне. Во время таких сновидений ты будешь с нами беседовать, вдохновлять и подбадривать, как умело ты делал это при жизни. В унисон последних строк стихотворения Мариуса мне кажется уместным привести одну из большого количества рубаи Омара Хайяма:

*Откуда мы пришли?
Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл?
Он нам не постижим.
Как много чистых душ,
Под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, –
а где, скажите, дым?*

Вот как раз “дым” и появляется от души, которая потеряла тело. Со временем, не нужно быть чрезмерным оптимистом, он развеется, но до этого будет в воздухе, а, следовательно, будет ощущаемым. Так, твои, Мариус, и наши дела, мысли, творчество какое-то время будут жить и приносить пользу и радость. Но при этом мы с тобой ясно понимали, что творческий потенциал человечества остановить невозможно. Благодаря ему, появляются новые достижения, которые постепенно приведут к забвению наших из-за их большей эффективности и красоты, в большей степени импонирующей изменившемуся менталитету человечества. И наши дела, в лучшем случае, как и многое, что было сделано до нас, и то только возможно, станут достоянием истории. Но даже только из-за этого стоило трудиться и прожить жизнь так, чтобы не было стыдно за каждый прожитый день.

ВСПОМИНАЯ ДРУГА

Я улыбаюсь, улыбаюсь непроизвольно. И иначе у меня не бывает, когда разговор заходит о Мариусе.

Мы (из параллельного класса) звали его Мак, на шотландский манер. Он напоминал Бернарда Шоу – такой же большой, красивый, доброжелательный, умный и с чувством не только юмора. А ещё он здорово играл в волейбол.

Я улыбаюсь, перечитывая его опубликованные литературные произведения и вспоминая, как он сам читал ненапечатанные.

Я улыбаюсь, вспоминая, как он заставлял себя строгим голосом закруглять наши нескончаемые редакторские споры при создании книги о нашей школе.

Я улыбаюсь, думая о Мариусе и вспоминая всех друзей, получивших от него и его коллег неоценимую помощь, как от мастеров своего дела, в котором он достиг высшего возможного уровня.

Я улыбаюсь, когда встречаюсь с его коллегами, разделявшими с ним трудности и достижения и сохранившими дружественную атмосферу профессионализма и доброжелательности.

Я улыбаюсь, когда вспоминаю его желание поднять своего собеседника до своего уровня словами: «Ну, мы же конкретные люди...».

Я улыбаюсь, когда ловлю себя на мысли о том, что, когда мы расставались, оставалось ощущение, что именно ты – его лучший друг. И так казалось многим.

И ещё. Перед отъездом в Германию, после всех перенесенных им операций и мук от болей, в нём, в его глазах я видел веру в жизнь, веру, которой была пронизана его «конкретная» жизнь, творческая во всех её проявлениях.

Поэтому я улыбаюсь, улыбаюсь непроизвольно от осознания того, что я не только получил от него радость общения, но и был в числе друзей хорошего человека – Мариуса Стефановича Плужникова, нашего Мака.

Вадик (Владимир Качалов).

МАРИУСУ СТЕФАНОВИЧУ ПЛУЖНИКОВУ...

Рябова М.А.

Мариус Стефанович Плужников – не только блестящий хирург, большой ученый, общественный деятель международного уровня, но и Учитель в самом высоком понимании этого слова. Сотни врачей не только в нашей стране, но и за рубежом считают его своим Учителем в специальности. Мне повезло быть его ученицей. Когда я была студенткой 4 курса, Мариус Стефанович читал нам весь лекционный курс (16 лекций). Эти лекции поразили меня и во многом, благодаря им, я увлеклась оториноларингологией и пришла в кружок СНО. Он был блестящим, талантливым лектором, умел держать внимание аудитории, вовлекая в беседу слушателей. Богатство, образность и эмоциональность его речи делали лекции увлекательными и запоминающимися. Лекции не повторялись из года в год, каждый раз Мариус Стефанович рассказывал о новых достижениях оториноларингологии по конкретной теме, приводил новые клинические примеры. Уже, будучи врачом с двенадцатилетним стажем, я в очередной раз с удовольствием пошла на студенческую лекцию, которую читал Мариус Стефанович. Лекция была посвящена экстренной помощи в оториноларингологии. В тот день я впервые оставила дома без присмотра десятилетнюю дочь, выздоравливающую после перенесенного гриппа. Мариус Стефанович так ярко, красочно и эмоционально рассказывал о различных вариантах инородных тел пищевода и лечебной тактике в каждом случае, что моя тревога за дочь росла с каждой минутой. Но когда он рассказал казуистический случай непроходимости пищевода из-за проглоченного целиком леденца, я уже чуть не плакала, и после окончания лекции рванула к телефону. К счастью, с дочкой все было в порядке, но я удивила ее строгим приказом до моего прихода ничего в рот не брать и даже не есть... При этом его лекции было очень легко конспектировать: материал был всегда четко структурирован, по пунктам выделялись основные положения, классификации, алгоритмы действия. Конспектами тех лекций пользовались потом несколько поколений уже моих учеников...

Он лично принимал экзамены у интернов и клинических ординаторов моего поколения, причем на каждом листе с содержанием экзаменационных вопросов и оценками, которые хранятся до сих пор в каждом личном деле, есть неформальные комментарии его рукой. Недавно, в поисках какого-то документа в своем личном деле я натолкнулась на эти листы, и вспомнились те волнения, трепет перед высокой комиссией, когда после ответа по билету каждый член коллектива кафедры и клиники мог задать любой вопрос, и без дополнительной подготовки необходимо было дать развернутый ответ. От нас ждали не просто знаний в рамках учебника, но и прочтения современной научной литературы, оценивали кругозор. Такая система тестирования молодых врачей заставляла не просто выучить материал, регулярно читать дополнительную литературу, но и просто «держать удар», эти тренировки очень пригодились в последующем при выступлениях на научных конференциях и при защите диссертаций.

На каждой утренней конференции после доклада дежурного доктора о каком-нибудь сложном больном мог последовать вопрос, касающийся тонкостей анатомии, патофизиологии, хирургической техники, фармакологии. Мариус Стефанович превращал в обучающий процесс не только обходы, на которых после посещения больных в палате уже в коридоре следовала микро лекция по конкретному клиническому случаю, но и кафедральные совещания, каждую перевязку или операцию.

По субботам он консультировал больных в диагностическом центре при нашем институте. На этих консультациях присутствовали все сотрудники кафедры. Каждый

случай тщательно анализировался, все могли высказать свою точку зрения. Эти консультации учили не только выбирать правильную лечебную тактику, ставить диагноз и т.д. Мы перенимали уважительный, иногда шутливый, но лишенный какого-либо намека на фамильярность или пренебрежительность, стиль общения Мариуса Стефановича с больными разного возраста, социального происхождения, уровня образования. Даже то, как усаживал профессор пациента, большими теплыми красивыми руками поддерживая его за плечо, имело значение: в жестах, интонациях чувствовалась забота, сострадание, но и уверенность, оптимизм, вера в свое искусство. Неслучайно, больные «раскрывались», охотно рассказывали не только о болезни, но и о себе, какие-то житейские истории и т.д. Абсолютно неподдельный глубокий интерес к людям, а не только к проявлениям болезни, отличал его от большинства заурядных врачей. Рекомендации, лечебная тактика выстраивалась уже не формально, а с учетом особенностей не только течения болезни в конкретном случае, но и образа жизни, работы, характера пациента. А выслушанные невыдуманные истории нередко становились под пером Мариуса Стефановича яркими лиричными рассказами или повестями.

Подготовить хирурга оториноларинголога очень трудно: хирургический прием осуществляется в очень сложной анатомически, даже опасной зоне через небольшое отверстие: операционный угол очень узкий, а глубина операционного поля весьма значительна. Особенно до появления оптических приборов, позволяющих наблюдать ход операции на мониторе, обучение хирурга требовало не только искусства преподавателя, но и определенного мужества: проще сделать самому, чем потеть за спиной ученика, не имея возможности толком увидеть операционное поле. Мариус Стефанович накануне операции, особенно необычной, нестандартной, любил рисовать простые наглядные схемы операции цветными фломастерами. Далее подбирал из своей коллекции какие-нибудь особенные инструменты, объясняя детально свой план. А на следующий день докладываешь, что больной подготовлен, можно идти мыться, и вдруг слышишь: «Ну, иди, делай, надо будет – позовешь». Эта степень доверия еще больше повышала ответственность, окрыляла. Надо сказать, что всегда можно было позвать его в операционную, и он мгновенно включался в работу, иногда советом, иногда непосредственно встав к столу. Умение за секунду оценить сложную хирургическую ситуацию, найти решение отражали не только хирургический талант, решительность, но и огромный опыт, волю брать ответственность на себя.

С особой благодарностью я вспоминаю, как Мариус Стефанович реагировал на какие-то хирургические неудачи. Во-первых, он спокойно выслушивал хирурга, не перебивая, затем задавал уточняющие вопросы. Уже сама возможность выговориться Учителю и мудрецу успокаивала и снимала груз с сердца. Когда Мариус Стефанович стал обучать меня хирургии онкологических заболеваний ЛОР-органов, первое время мне было очень тяжело психологически, я «умирала» с каждым больным... Он находил простые слова, чтобы настроить на деловой лад, не давал мне раскисать, заставлял искать новые решения в борьбе с болезнью. Много лет я старалась переложить на его плечи сообщение больному гистологического заключения, подтверждающего злокачественный процесс. Он спокойно неторопливо простыми словами говорил с пациентами разного возраста, уровня образования. Всегда был честен, и всегда предлагал какие-то варианты лечения даже безнадежным больным, вселяя надежду. В выборе лечебной тактики он никогда не стоял на формальных позициях, избегал калечащих операций, с пониманием относился к каким-то жизненным обстоятельствам человека. Например, у больного 51 года был выявлен рак гортаноглотки и удачно прооперирован эндоскопически лазером. Через три года пациент пришел на осмотр с признаками рецидива, надо было снова оперировать, мы стали готовить к операции. Вдруг, после разговора с Мариусом Стефановичем больной просит его выписать: ему

разрешили съездить в путешествие в Германию на две недели, а оперироваться после возвращения. Абсолютно закономерно, что именно Мариус Стефанович разработал органосохраняющие эндоскопические методы хирургии рака гортани, позволяющие не просто получить клиническое выздоровление, но и сохранить функции гортани, избежать инвалидизации пациента. Это очень важно, ведь раком гортани страдают достаточно молодые мужчины, 40% погибают в течение первого года после установления диагноза, так как многие отказываются от калечащих видов лечения. Мариус Стефанович искал решение проблемы не только в хирургии, он беседовал с физиками, химиками, пытаясь реализовать идеи по повышению эффективности фотодинамической терапии, поиску принципиально новых методов лечения рака. Мне несколько раз привелось присутствовать при таких беседах, меня восхищала его способность находить общий язык с учёными других областей науки. Они не просто понимали друг друга, это были разговоры о сложных явлениях. Мариус Стефанович демонстрировал глубокое понимание базисных наук....

Общий язык он находил и с инженерами, не случайно, кафедра стала испытательной площадкой для многих медицинских приборов. Это давало возможность развивать специальность без закупки дорогого импортного оборудования. Первый опытный образец хирургического НИАГ-лазера, созданный в ЛИТМО в 1980 г. до сих пор действует и остается основной «рабочей лошадкой». Сотрудничество с технической интеллигенцией давало и очень важный творческий импульс инженерам, они видели важность и востребованность своих разработок, и, наверное, в те скучные годы многих это удержало в профессии.

Он побуждал молодежь к научному творчеству, никогда не давая готовых рецептов, выслушивал все идеи, рассказывал свои, давал читать последние научные статьи. Он буквально раздаривал научные идеи, щедро делился своими знаниями, новыми задумками. Не боялся Мариус Стефанович, что кто-то подхватит его идею и выдаст за свою, Он был широк душой и считал аморальным патентовать научные достижения в медицине: «Мы же это создаем для того, чтобы лечить больных, научное достижение в медицине не может быть предметом продажи, значит не должно патентоваться. Мы должны популяризировать их, чтобы эффективней помогать больным».

Мариус Стефанович блестяще владел английским языком, научным, литературным, разговорным. При этом он до последнего времени старался совершенствовать свои знания, постоянно читал художественные книги на английском, писал стихи, заучивал новые слова, зачастую отражавшие не конкретные понятия, а какие-то оттенки, тонкости, нюансы. Он всеми силами старался заставить и нас изучать язык. Одно время прямо на кафедру приходил преподаватель и проводил групповые занятия, периодически он начинал с нами говорить на английском, проверяя не только знание языка, но и реакцию. На день рождения мы всегда получали от него в подарок книги на английском, при этом он всегда комментировал литературное произведение, рассказывал об авторе и просил каждый день прочитывать хоть несколько страниц, чтобы совершенствовать язык. Однажды он спросил меня, в чем я вижу смысл жизни. Я вопросительно посмотрела на него и услышала его позицию: «Смысл жизни в самосовершенствовании». И в этом тоже Мариус Стефанович всегда показывал нам пример: даже на больничной койке он продолжал читать на английском художественную литературу, иногда уточняя значения слов в словаре.

Об уровне его владения английским можно судить по тому, как принимали его лекции и выступления за рубежом. В 1999 г. Мариус Стефанович пригласил меня участвовать в работе конференции в Бельгии. Летели через Амстердам, во время пересадки в зале ожидания мы вдвоем беседовали (по инициативе Мариуса Стефановича на английском) о дочерях, тема неистощимая и близкая нам обоим. Зал

постепенно наполнялся пассажирами нашего рейса. К нам подошел молодой элегантный человек, раскланялся практически «в пояс» и стал говорить о том, что он много слышал о профессоре Плужникове из России, мечтал услышать его лекции, для него большая честь представиться ему и т.д. Оказалось, что перед нами профессор из Германии, который тоже направлялся на конференцию. Вскоре вокруг Мариуса Стефановича уже сформировался кружок отоларингологов из разных стран, все его приветствовали, жали руки. В Антверпене нас встретили и сразу привезли в отель, в большой холл, где уже собралось примерно 50 человек со скучными лицами и все ждали, как оказалось, Мариуса Стефановича. Он поставил чемодан, ему тут же в руки дали микрофон, и без паузы и передышки после 14-часового путешествия Мариус Стефанович стал красиво, просто говорить о конференции, сказал теплые слова в адрес организаторов, а потом стал представлять лекторов и мониторов из разных стран мира. Он не только знал всех по имени и фамилии, но и про каждого сказал что-то абсолютно неформальное, уважительное, доброе, иногда веселое. Лица в зале преобразились, все ловили каждое его слово, радовались как дети шуткам, аплодировали. Публика вдруг стала единым коллективом, с одним настроением, объединенным общими интересами и планами. Все были счастливы. Через какое-то время, когда между отоларингологами разных стран и континентов завязалось общение, Мариус Стефанович незаметно взял чемодан и, не дожидаясь ужина, пошел за ключом. Конечно, он сильно устал... А на следующий день, после заседания, на котором он председательствовал, на банкете он дарил всем друзьям подарки, привезенные из России. Это были не стандартные сувениры, а разные подарки с неформальными комментариями, подчеркивающие адресность дара, его уважение к человеку. Весь зал следил за каждым его словом и жестом, не смолкал смех и радостные возгласы... А на следующий день к нему подходили люди из разных стран с просьбой о помощи, с какими-то проблемами. Такое отношение к русскому профессору зарубежных коллег было для меня не просто приятным, но и вызывало гордость.

Мариус Стефанович бережно относился к медицинским сестрам отделения и очень ценил их профессионализм и преданность делу. Не случайно многие медсестры до преклонных лет продолжали работать в отделении, приходили в гости в последующем и всегда получали от него помощь и поддержку. Он необыкновенно чувствовал людей, их настроение и умел «разряжать» обстановку. Однажды я с тяжелой пневмонией оказалась на лечении в нашем отделении. Мариус Стефанович заглянул в палату и застал там напряженную тишину: мама с перепуганными глазами, полными отчаяния, свекор с подавленным видом, молчали, а я из-за одышки и кашля вовсе не могла поддерживать беседу. Шеф вернулся через пару минут с рукописью нового рассказа, он не стал говорить стандартных утешительных слов, он просто стал читать свой новый рассказ о любви и музыке. Лиричный теплый рассказ о первой любви, о южном море, о музыке, прочитанный спокойно и неторопливо, полностью переменял настроение в палате. Родители расслабились, успокоились, а Мариус Стефанович, дочитав, стал что-то говорить шутливое и доброе. За неделю до моей защиты кандидатской в 1991 г. я страшно нервничала, Мариус Стефанович меня вызвал и сказал: «Ты что, боишься защиты? Это ерунда, ты теперь будешь заниматься лазерной хирургией. Через месяц ты должна мне представить реферат по применению импульсных лазеров в медицине по зарубежным источникам. Иди». Психотерапевтический эффект был абсолютный: теперь я беспокоилась о том, как успеть сделать реферат по незнакомой мне теме, я не знала проблемы и на русском языке, не то что на английском. Физические явления, лексика, все новое, на этом фоне моя кандидатская по термографии показалась мне такой простой, ясной, что на защиту я шла абсолютно спокойной.

Перед защитой докторской диссертации «психотерапевтический прием» был другой. Я пришла в день защиты с прической, в элегантном костюме со стопкой тортов в руках для чаепития в Совете. Мариус Стефанович поглядел на меня и приказал срочно переодеваться в пижаму и идти в операционную: надо было ассистировать ему на трех увулопалатопластиках, в Совет бежала бегом, на ходу застегивая пиджак. Нервничать было некогда.

Удивительно, но и сейчас он продолжает нас поддерживать, в каких-то сложных ситуациях вспоминаются его слова, которые оказываются актуальными. Он нередко говорил, что самое главное, сделанное им в жизни, – создание коллектива кафедры. Он совершил очень много важных дел, но коллектив, созданный им, к счастью, работает сплоченно, творит, живет, развивается. Мы постараемся сохранить традиции, его имя.

НАШ ДОБРЫЙ ДРУГ

М.П. Грудинко

Они встретились в начале 60-х годов прошлого века. Между ними сразу установились дружеские отношения, которые очень скоро переросли в крепкую дружбу, несмотря на разницу в возрасте и профессии. Их связал на долгие годы английский язык.

Мариус Стефанович Плужников – выпускник Первой английской школы, в тот момент был студентом I ЛМИ им. акад. И.П. Павлова

Борис Иванович Грудинко – заведующий кафедрой иностранных языков, переводчик и преподаватель с двадцатилетним стажем. 4 года из которых он провел в США, где, выполняя ответственные задания, постоянно слышал живую английскую речь.

При первой же встрече Борис Иванович был приятно удивлен хорошим уровнем знаний у студента неязыкового вуза. Нашлось еще несколько продвинутых студентов, в том числе школьный товарищ Мариуса Стефановича Астахов Юрий Сергеевич. Была сформирована спецгруппа. Занятия в ней вел сам Борис Иванович в форме непринужденной беседы со свойственным ему юмором. Он исподволь знакомил своих слушателей с новыми, доселе неизвестными, особенностями английского разговорного языка. Ученики жадно схватывали все, что он говорил. Мариус все записывал. Годы спустя он предъявил учителю свои записи, как нечто ценное, аккуратно оформленное.

Работать в этой группе было легко и интересно. Нельзя было не заметить способности, трудолюбие, целеустремленность Мариуса.

Однажды в беседе с профессором Раковым Александром Ивановичем, большим авторитетом в области онкологии, Борис Иванович рассказал ему о своем талантливом ученике. Александр Иванович выразил желание познакомиться с ним. Профессор тоже увлекался английским, посвящая каждую свободную минуту своему увлечению, используя любую возможность языковой практики. Разумеется, беседы с талантливыми студентами были не только о языке. Александр Иванович неоднократно высказывал Борису Ивановичу свои весьма лестные оценки о его протеже.

Мариус оправдал надежды. Окончив аспирантуру, вскоре защитил кандидатскую диссертацию, а со временем и докторскую. Теперь он много и упорно работал в клинике, продолжая заниматься наукой. Борис Иванович следил за каждым его шагом и искренне радовался его успехам.

Как будто следуя примеру Мариуса, Борис Иванович успешно защитил, давно ожидавшую своего часа, диссертацию.

Все друзья и бывшие ученики горячо приветствовали и поздравляли своего учителя. А двое самых близких – М. Плужников и Ю. Астахов присутствовали на защите в Ленинградском Государственном Университете. У филологов такие события происходили очень редко.

Затем судьба снова свела их вместе. В течение 2,5 лет они работали в деканате иностранных студентов. Борис Иванович в качестве декана, а бывшие ученики в ранге его замов. Работа была не из легких. Воспитывали иностранцев, применяя строгие меры в отношении тех, кто имел академические задолженности или нарушал правила общежития.

Шли годы. Теперь все работали на своих кафедрах. Дружеские отношения не ослабевали. Постоянно обменивались новостями, комментировали их, помогали друг другу советами и делами, не говоря уже о медицинской помощи.

В тяжелые годы перестройки Мариус проявил себя как настоящий друг, помогая, чем мог, преодолевать возникшие трудности.

Но время летело, не замедляя свой бег. Молодые люди шли вперед, завоеывая все новые высоты. Учителя не забывали. А между тем к нему приближалась грустная пора заслуженного отдыха. Когда ему исполнилось 80 лет, он окончательно ушел из института.

Сначала занимался научными и техническими переводами, но скоро стало невозможно заниматься этим видом деятельности без компьютера. Наступили тоскливые дни. Борис Иванович пребывал в мрачном настроении, страдая от своей невостребованности.

И тут, как подарок судьбы, появились чудесные рассказы М. Плужникова. Открылась еще одна грань его творческой натуры. Борис Иванович с радостью взялся их переводить на английский язык. Работал с увлечением, а Мариус был просто счастлив. Теперь друзья и в Англии, и в США могли оценить его литературный талант. Зарубежные друзья высоко ценили как литературные достоинства рассказов, так и их перевод.

Это сотрудничество продолжалось несколько лет. Борис Иванович успел перевести 18 рассказов. Последним перед его уходом из жизни был рассказ «Случайная встреча».

В память о своем друге Мариус поместил в свой последний сборник «Избранное» этот рассказ, а также его перевод с лестными отзывами своих американских друзей о переводе.

После смерти Бориса Ивановича Мариус всячески поддерживал меня, стараясь, как мог, скрасить мое грустное существование без дорогого мне человека.

Мариус Плужников был необыкновенным человеком, сочетавшим в себе крупного ученого, талантливого врача и душевного человека, равнодушного к ближнему, не способного пройти мимо человека в беде. Он всегда делал все, что было в его силах, чтобы помочь людям.

Его светлый образ навсегда останется в нашей памяти.

ЭРУДИЦИЯ, ОБАЯНИЕ, ДУШЕВНАЯ ЧУТКОСТЬ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОДНОКЛАССНИКА)

Мариус Стефанович в 1956 году закончил 213-ю школу с преподаванием ряда предметов на английском языке. Она была первой в Ленинграде и, скорее всего, первой в СССР. Может быть потому, что она была первой, а может быть благодаря счастливому стечению обстоятельств, в школе работал коллектив высокопрофессиональных учителей и, самое главное, коллектив людей с высокими нравственными качествами. Именно школа заложила в нем ту прочную нравственную основу, которая сделала его таким, каким мы его знали. Школа дала ему глубокие знания английского языка, что позволило ему в течение всей дальнейшей жизни использовать его почти так же, как и свой родной язык. В школе были созданы условия для раскрытия уже в те годы его незаурядной личности, которые благодаря его неумной жизненной энергии и каждодневному, напряженнейшему труду раскрыли его талант.

Давно подмечено, что талантливый человек талантлив во всем. Мариус Стефанович не был исключением из этого правила. О его таланте как медика свидетельствуют десятки книг и научных статей по специальности, в том числе и этот журнал, и этот его выпуск, и десятки тысяч больных, победивших благодаря ему, и его сподвижникам, свои болезни. В большую биографическую энциклопедию биографии не талантливых людей не помещают:

Плужников, Мариус Стефанович

Президент Международной академии оториноларингологии – Хирургии головы и шеи с 1994 г.; родился 5 марта 1938 г. в Ленинграде; окончил 1-й Ленинградский медицинский институт в 1962 г., доктор медицинских наук, профессор; был доцентом, профессором, с 1976 г. — заведующий кафедрой оториноларингологии Санкт-Петербургского медицинского института; член-корреспондент РАЕН (1993); член Королевского медицинского общества (Ливерпуль); член Генеральной ассамблеи Европейской Федерации оториноларингологических обществ; председатель Ринологического общества России (1993—1995); заслуженный деятель науки РФ; почетный профессор Польского научного общества оториноларингологов; действительный член Tutorial System International (Англия); главный редактор "Foliae Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae"; член редколлегии журналов "Вестник оториноларингологии", "Журнал ушных, носовых и горловых болезней", "Российская ринология".

О его таланте как писателя свидетельствуют написанные им книги – сборники повестей и рассказов – «Поппури», «О минувшем», «Избранное». О его таланте как руководителя свидетельствует оставшаяся после него кафедра и клиника.

Все рассказы и повести в написанных им книгах – о добре, о любви и не только о любви между людьми, но и о любви человека к своим меньшим братьям. «Ты знаешь, – сказал он однажды – сегодня в период тотального наступления зла и разрушения нравственных устоев так хочется говорить только о хорошем»

Здесь хочется отдельно сказать о других гранях его таланта – как человека. Ему присущи были эрудиция, обаяние и душевная чуткость.

В 1991 году он в соавторстве со своим коллегой Сергеем Валентиновичем Рязанцевым выпустил книгу «Среди запахов и звуков», где в популярной форме рассказал о таких сложнейших органах человека, как органы обоняния и слуха, и органа голосообразования – гортани. Прочитав эту книгу, не знаешь, о чем стал знать

больше – о механизмах восприятия запахов и звуков, о механизмах формирования голоса или о мифах древней Греции. О репертуаре театра мимики и жестов, о том, как шутил Багратион, или о том, как царевич Чин из арабской повести искал самую прекрасную в мире девушку.

С ним всегда было приятно общаться. Он мог поддержать разговор на любую тему – от анекдота до тонкостей своей профессии.

Может быть, он вел себя так же и с другими, но у меня лично создалось впечатление, что из всего огромного количества людей, которых он знал, он выделял круг, который был для него святым. Это были его школьные товарищи.

У него никогда не было свободного времени. Когда бы я к нему ни приходил на кафедру, у него в кабинете были или пациенты, которым он оказывал консультацию, или сотрудники кафедры и клиники, которые ему докладывали о состоянии больных и советовались о ходе лечения, или аспиранты, или какие-то важные и влиятельные люди. После того, как эти люди уходили, он выходил из кабинета, обнимал и буквально тащил меня в кабинет. Закрывал дверь, и если кто-то заглядывал в кабинет, говорил: «Подождите, у меня профессор Леонид Антонович», хотя профессором я никогда не был, и об этом он прекрасно знал. Когда я уходил, он совал в сумку какие-нибудь сладости: «Это для Эльвиры Гавриловны» (моей жены). Сопротивляться было бесполезно. И больше всего меня потрясало, что, несмотря на наличие очередных посетителей, он провожал меня до лифта, спускался вместе со мной на первый этаж и только там расставался со мной. Я даже испытывал какую-то неловкость и старался заходить к нему только тогда, когда это было действительно необходимо.

Собеседника он понимал с полуслова и любой его вопрос, даже не совсем им осознанный, тут же преобразовывал в конкретное действие. Вспоминается такой случай. Мариус Стефанович организовал для одноклассников встречу у себя на кафедре. По прошествии часа или полутора он громким голосом говорит: «Ребята, у всех уже слабая простата, пойдемте, я покажу вам, где туалет». Это приглашение действительно было, кстати, и, между прочим, далеко не у всякого оно могло родиться. Когда я как-то после этого случая зашел к нему и спросил: «Вот ты говорил о слабой простате. Объясни популярно, что это такое». Он внимательно посмотрел на меня, задал два-три вопроса, ни слова не говоря, снял трубку и стал договариваться о том, чтобы меня посмотрели в клинике урологии. Когда ему стали известны результаты анализов, он позвонил мне, попросил зайти к нему на кафедру и оттуда сам вместе со мной пошел договариваться с профессором Аль-Шукри о том, чтобы меня положили в клинику на лечение.

Одного этого уже достаточно, чтобы проникнуться глубоким уважением к такому человеку. Он избавил меня от некоторых неудобств в жизни, почти походя, я его конкретно об этом даже не просил. Так же он поступал в отношении других своих одноклассников и школьных товарищей и не только своего, но и других выпусков. Что это, как не душевная чуткость? И возвращаясь опять к мысли о нравственной основе, заложенной школой, вспоминаешь, что и другие его школьные сотоварищи были из того же теста. Его коллега по Государственному медицинскому университету Астахов Юрий Сергеевич, тоже заведующий кафедрой и клиникой, но только офтальмологии, также считает своим долгом помочь восстановить зрение многим своим одноклассникам и их близким. И так же, как Мариуса Стефановича, просить его об этом не надо – все дальнейшее происходит как бы само собой, человек выздоравливает, а сам организатор выздоровления остается в тени.

Вот еще пример. Мы, одноклассники, решили собрать деньги на памятник нашей бывшей самой любимой учительнице – Марии Ивановне Ромадиной. Деньги собрали, они были у меня, и когда я понял, что использовать их из-за появившихся разногласий с ее прямыми родственниками не удастся, я отдал их Мариусу

Стефановичу. Он был де-факто нашим организатором и центром кристаллизации. Кому, как не ему, найти им применение?

Потом с Мариусом Стефановичем случилась беда. Он тяжело заболел. Усилия лучших врачей не помогли. Уже после похорон его ближайшая помощница, Елена Вадимовна, подошла ко мне и передала конверт с деньгами. Это были те самые деньги. Многие ли из нас, находясь в тяжелейшем состоянии, страдая от жутких болей, когда единственной мыслью становится мысль о том, чтобы все это поскорее закончилось, думают о каких-то общественных, в общем-то, сравнительно небольших деньгах? А он думал.

В 1996 году Мариус Стефанович горячо воспринял идею одного из соучеников – Качалова Владимира Ивановича – о написании книги о школе. Цель этой книги он четко определил в приглашении на презентацию книги, которая после преодоления целого ряда препятствий все-таки вышла в 2006 году, – «Нами руководило желание, пусть скромно, но воздать должное Учителям и нашему школьному братству». И это не было красивыми словами. Это действительно было так. Вспомнить и поблагодарить своих первых учителей он считал своим святым долгом. Название этой книги – «Первая английская», тираж всего 500 экземпляров. Она вышла в серии «Библиотека Всемирного клуба петербуржцев», благодаря чему ее сейчас можно найти в ведущих библиотеках России и мира. Кстати, то же можно сказать и о двух его книгах, упоминавшихся ранее – «О минувшем» и «Избранное». В создании книги «Первая английская» приняли участие многие учителя и выпускники школы. Но на свет она появилась только потому, что один из ее составителей, а именно Мариус Стефанович, считал выпуск книги одним из главных дел своей жизни. В этой книге выпукло высвечиваются те нравственные основы, которые заложила школа в своих выпускниках – честность, порядочность, благородство, служение долгу, дружба, товарищество. А если эти основы сочетаются с великолепной памятью, с тонко чувствующей собеседника душой, с глубокими собственными раздумьями и осмыслением всего того, что нас окружает, то появление таких людей как Мариус Стефанович неизбежно.

Мариус Стефанович с одноклассниками, 2004 год.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА

Когда мне сказали, что будет опубликован отдельный выпуск «Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae» воспоминаний о Мариусе Стефановиче Плужникове, захотелось рассказать об одной встрече с ним, о другой... Их было так много. Я их все помню. И в каждой из этих встреч он был обязательно доброжелательный, интеллигентный, высокообразованный, умный, интересный, неожиданный. Но это мои воспоминания. Каждый, кто с ним общался, помнят такие встречи. Уверен, что у всех нас, которые здесь, он оставил яркий, незабываемый след.

Так, пусть же Мой Мариус останется со мной. Навсегда!

А Ваш Мариус останется с Вами. Навсегда!

Анатолий Журавлев

СВЕТЛАЯ И БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

«... По всей дороге от Санкт-Петербурга до Царского Села стоят каменные стелы – верстовые столбы, и у основания некоторых из них есть широкие чаши.

Усталые и томимые жаждой лошади могли отдохнуть у таких столбов и испить драгоценной влаги.

Так и я – «коллекционирую» людей, которые, как вода у верстовых столбов, помогают мне на жизненном пути черпать силы.

Я им очень благодарен за это».

Мариус Плужников.

Среди сообщества Всемирного клуба петербуржцев Мариус Стефанович – один из самых ярких, талантливых и жизнерадостных людей. Невозможно смириться с прошедшим временем «Был» по отношению к этому человеку. С нами остались его книги-исповеди, с нами остался его редкий дар служения делу, науке, людям в самом высоком смысле этого нравственного понятия.

Потомственный петербургский доктор Мариус Стефанович Плужников унаследовал от своего отца, военного врача, профессиональное мужество и дисциплину, а от мамы, врача-микрopedиатра, работающего с новорожденными детьми, наделёнными тяжёлой патологией, трепетную заботу и высочайшую ответственность. Наверное, эта генетическая щедрость во многом и определила присуждение Мариусу Стефановичу среди множества заслуженных наград одну из самых высоких – степень «Почётный доктор Санкт-Петербургского Государственного университета имени И.П.Павлова».

Примечательно, что впервые в России почётное докторство было введено в университетский устав в 1863 году. Первыми почётными докторами были петербуржцы: профессор, лейб-акушер Императорского Двора Д.О. Отт, лейб-педиатр Императорского Двора, первый детский кардиолог К.А. Раухфус, лауреаты Нобелевской премии И.П. Павлов, И.И. Мечников.

Вручая награду, ректор университета, академик РАМН Н.А. Яицкий сказал: «Все успехи в науке, в искусстве врачевания, создание новых диагностических и лечебных технологий, бережное отношение и приумножение традиций – это бесценный результат служения своему делу многих людей, преданных избранному ими пути. М.С. Плужников среди этих замечательных тружеников – особо выдающийся талантливый учёный, педагог и врач с даром предвидения, одержимостью в постижении истины, в достижении наилучших результатов лечения больных, обучения студентов, подготовки учёных и педагогов высочайшего уровня. Это звание даёт особые права, почести и привилегии с занесением имени награждённого в Книгу Почёта Университета».

Читатели серии «Библиотека Всемирного клуба петербуржцев» с благодарностью открыли для себя писателя Мариуса Плужникова.

В сборниках рассказов «О минувшем», «Избранное» разные по жанру сочинения – повесть, правдивые истории, предания... Они написаны на рубеже веков и представляют искренние, доверительные размышления о Времени и Современниках, о ком хранит автор добрую Память.

В острых и живых наблюдениях, обращённых к читателю-собеседнику, пленяет доверительная интонация, искренний лиризм, юмор, самоирония, что свойственно традициям писателей-врачей, классиков русской литературы.

В талантливых сочинениях автора звучит страстный призыв к людям: «Станьте добрее, счастливее».

Мы постараемся. Спасибо Вам, Мариус Стефанович.

**Председатель Правления Всемирного клуба петербуржцев
Валентина Орлова**

СПАСИБО ТЕБЕ ЗА ВСЕ, ДОРОГОЙ МАРИУС СТЕФАНОВИЧ!

А.Г. Шантуров, Иркутский государственный медицинский университет

Мое знакомство с Мариусом Стефановичем Плужниковым произошло более четверти века тому назад не совсем обычным путем. В конце 1983 года я послал в Ленинград на его имя бандероль со своими книгами и материалами 2-х региональных научно-практических конференций, состоявшихся в Иркутске в 1982 и 1983 годах. Одна из конференций (1982) была посвящена актуальным вопросам оториноларингологии в зоне Байкало-Амурской магистрали, вторая – 50-летию Иркутского областного научного общества оториноларингологов и 25-летию ВОИР. Книги почему-то получил не Мариус Стефанович, а его отец – Стефан Иванович Плужников, о чем он сразу же сообщил мне письмом. Меня приятно удивило в нем многое, начиная с обращения: «Дорогой, неоценимый, любимый Анатолий Григорьевич! Выражаю большое спасибо за присланные Вами труды в адрес моего сына Мариуса Стефановича. Я прочитал их и передал сыну. Ваши труды глубоко содержательны, ценны и полезны всем специалистам нашей специальности. От всего сердца и души выражаю Вам свою благодарность и доброе желание быть всегда в первых рядах победителей в нашей науке. Ваши труды научно обоснованы и помогают врачам усовершенствовать свои знания. Прошу Вас, Анатолий Григорьевич, примите мое доброе пожелание с новым 1984 годом, многих лет жизни и творческой работы на благо нашей Родины. Глубоко уважающий Вас Стефан Иванович Плужников».

Я уже тогда, на основании прочитанного письма, его формы и содержания, не зная лично ни отца, ни сына Плужниковых, проникся к ним внутренней симпатией и уважением. С течением времени эти чувства стали более осознанными и реальными. Этому способствовало также письмо, которое вскоре было получено мною от Мариуса Стефановича.

«Милый, дорогой Анатолий Григорьевич!

Вы один из немногих наших крупных специалистов, которые сочетают мудрость с творческим подходом к делу. Свидетельством этому, в частности, является и проведение данной декабрьской конференции, в которой Вы сумели совместить воедино деятельность ВОИР как организации, способной командировать людей, с новизной и свежестью программы. Уверен, что конференция пройдет с блеском, поэтому примите самые искренние поздравления и добрые пожелания на дальнейшее.

Я очень сожалею, что мы заранее не имели информации о Вашем Съезде, поэтому, естественно, не можем принять в нем участие. Это немного грустно, так как наша кафедра занимает в институте первое место по изобретательской и рационализаторской работе и, кроме того, конечно, хотелось бы восстановить в памяти облик Иркутска, в котором я был короткое время еще мальчишкой в 1945 году. Ну, это ничего. Впереди еще, надеюсь, много встреч. Скоро, по-видимому, увидимся в Ижевске.

В заключение хочу поздравить Вас с наступающим Новым годом и пожелать сохранения сибирского здоровья на долгие года и счастья.

С уважением М. Плужников»

Далее последовали новые письма и первые личные встречи. Ближайшая из них помогла Мариусу Стефановичу осуществить свою мечту – восстановить в памяти

облик Иркутска. Это было в сентябре 1987 года, когда у нас проводились зональная научно-практическая конференция оториноларингологов, выездная научная сессия Московского НИИ уха, горла и носа, пленум правления Всероссийского научного общества оториноларингологов и проблемная комиссия по оториноларингологии ученого медицинского совета МЗ РСФСР. В форуме принимали участие более 300 делегатов, в том числе очень представительная делегация из Ленинграда, в составе которой был и Мариус Стефанович со своими сотрудниками.

Во время прощального вечера я подарил ему редкие по тому времени, а тем более, сейчас, книги Иркутского писателя, моего друга Марка Сергеева о декабристах («Своей судьбой гордимся мы», «Дум высокое стремление», «В сердцах отчества сынов»), которые исторически очень сблизили и духовно породнили наши города.

В последующие годы при встречах Мариус Стефанович не однажды приятно удивлял собеседников глубоким знанием декабриады, и я мысленно в какой-то мере это связывал с его пребыванием в Иркутске.

Спустя несколько лет, мне представилась возможность подарить ему еще одну уникальную книгу М. Сергеева о женах декабристов – «Несчастью верная сестра».

По возвращении в Ленинград Мариус Стефанович сразу же – 16 октября, написал мне благодарственное письмо:

«Глубокоуважаемый Анатолий Григорьевич!

Мы никогда не забудем дни, встречи и Конференцию в Вашем городе, то внимание, которое Вы нашли возможным уделить не только мне, но и моим сотрудникам. Мы считаем, что Конференция прошла успешно и была весьма полезна для всех ее участников. Позвольте поздравить Вас с большим успехом! Спасибо Вам за все.

М. Плужников».

Обладая огромной творческой энергией, широким кругозором и мощным профессиональным потенциалом, он в этот же день пишет мне другое письмо.

«Дорогой Анатолий Григорьевич!

Хочу с Вами посоветоваться. Вы меня вдохновили на созыв Конференции типа Пагуошской. Вы ведь великий общественник. Я хочу предложить собраться дюжине ведущих профессоров на частной основе без официальной повестки дня и обменяться мнениями о развитии специальности. Сделать доклады не более 15 минут, обсудить их, провести два дня. Все условия проведения конференции в Ленинграде я постараюсь соблюсти на самом высоком уровне. Список участников я представлю Вам позднее, если Вы согласитесь с самой идеей. Жду Вашего мнения. Обнимаю.

М. Плужников 16.10.87 г.»

1988 год для Мариуса Стефановича был историческим, знаменательным. На IX съезде оториноларингологов СССР (Кишинев, 13 – 15 ноября) он был избран Председателем Всесоюзного общества оториноларингологов. Это было очень высокое признание его профессиональных заслуг и нравственных достоинств, а также большое доверие, которое он обязан был оправдать прогрессом научной и клинической оториноларингологии своей страны.

Сразу же после съезда Мариус Стефанович наполнил свою кипучую натуру созданием обширных планов дальнейшего развития отечественной оториноларингологии, которые, к сожалению, по многим причинам были реализованы далеко не все.

Через месяц после съезда я получил от Мариуса Стефановича одно за другим два письма, которые касались только что вышедшего из печати нашего «Биографического словаря отечественных оториноларингологов». Он предлагал свое активное участие в судьбе издания.

«Глубокоуважаемый Анатолий Григорьевич!

Получил третьего дня Ваш замечательный «Справочник отечественных, – я бы сказал – авторитетов», который на меня такое произвел неизгладимое впечатление, что я весь горю желанием выразить свои чувства в официальном отзыве... Хочу знать Ваше мнение: может быть, Вы уже подобного рода поручение кому-нибудь дали? В ожидании Вашего скорого ответа.

Всегда Ваш Мариус Плужников».

«Глубокоуважаемый Анатолий Григорьевич!

Большое Вам спасибо за доверие. Я всецело разделяю Ваши взгляды. Более того, мысли, высказанные Вами в письме, у меня возникли, как только я прочитал Ваш «Словарь». Ради них я и хочу воспользоваться счастливой возможностью опубликования «Словаря» и констатировать свое кредо публично. Крепко Вас целую и желаю здравствовать.

12.01.89 г

Мариус»

И опять письмо, наполненное заботой о нашем общем деле, людях и специальности.

«Дорогой Анатолий Григорьевич!

Получил Ваше письмо, которое еще, не в последний раз, подтверждает Вашу беспокойную деятельную натуру: post factum поздравляю Вас с успешным проведением Конференции. Ваша активность всегда меня восхищала, и вот теперь, я имею еще раз основание убедиться в своем о Вас представлении.

Теперь о Болгарии: я видел Христо Донцева. Он будет отвечать за Пловдивский онкоконгресс и будет рад Вас принять по-товарищески. Я еще раз напомню ему о Вашем визите письменно.

Всегда Ваш Мариус.

26.06.89 г.»

Очень серьезными, исключительно трудоемкими и чрезвычайно ответственными были планы и действия Мариуса Стефановича на посту председателя ВНОО по подготовке и изданию в 1992 – 1993 годах 6-ти (8) томного руководства по оториноларингологии, главным редактором которого он собирался быть.

Политические события того времени в стране не позволили ему осуществить эти и многие другие планы по развитию специальности. После развала Советского Союза, а соответственно и Всесоюзного научного общества оториноларингологов он, хорошо владея несколькими иностранными языками, завидным логическим умом, основанным на глубоких знаниях, выраженной способностью к созидательной профессиональной и общественной деятельности, направил свои интеллектуальные усилия на создание в России достойного сообщества ученых по своей специальности. Для этого, по его инициативе, 16 октября 1991 года в Бухаре был проведен расширенный Чрезвычайный Пленум Всесоюзного научного общества оториноларингологов, на котором с целью сохранения единения оториноларингологов СНГ на базе специальности, сохранения

исторических связей, сложившихся в период существования СССР, единогласно было принято решение преобразовать Всесоюзное научное общество оториноларингологов в «Международную Академию оториноларингологии – Хирургии головы и шеи».

Созданию и обеспечению благоприятных условий для плодотворной деятельности Академии Мариус Стефанович посвятил всю свою дальнейшую жизнь без остатка. Обладая большим талантом организатора и руководителя, он, прежде всего, основное внимание уделил формированию ее кадрового состава, то есть, по существу профессионального фундамента Академии. В этой связи, с того времени письменно или очно, в большей или меньшей степени, но мы обязательно касались этого главного вопроса жизнедеятельности Академии.

Вот что он писал мне по этому поводу в одном из писем от 22.01.1994 года.

«Дорогой Анатолий Григорьевич!

Я несказанно был рад получить Ваше письмо, в котором Вы даете согласие быть Действительным Членом нашей Академии. Никогда я не мыслил ее работу без Вас, так много сделавшего для специальности во всех областях ее. Более того, я надеюсь на Ваше активное сотрудничество в одном из важнейших направлений ее Уставной деятельности, а именно, создании коллектива, единого духом, товариществом, дружбой, поддержкой друг друга на основе любви к специальности и глубокого уважения каждого как личности. Все эти вопросы будут стоять на первом Собрании Академии, которое должно состояться во второй половине октября с. г. в Финляндии (детали – отдельным письмом)».

В этот же день, т.е. 22.01.1994 года, Мариус Стефанович пишет мне второе письмо, в котором советуется по целому ряду вопросов организационного характера, касающихся Академии.

«Глубокоуважаемый Анатолий Григорьевич!

В соответствии с Уставом Академии я прошу Вас быть Председателем Комитета по Этике Академии. Утверждение Вас на этом высоком посту должно произойти в г. Иматра (Финляндия) в октябре с. г.

Зная Вашу общественную душу, я не сомневаюсь в Вашем согласии и желании внести вклад в ту коллегиальную атмосферу, которая должна царить в стенах Академии. Я хотел бы попросить Вас, чтобы Вы выступили с докладом на Собрании с изложением проекта «Положения о Комитете по Этике». На мой взгляд, это положение должно состоять из двух частей, первая из которых (преамбула), должна содержать кардинальные идеи общего характера, вторая же часть – конкретные позиции, невыполнение которых ведет к исключению из членства в Академии. Проектами Положения мне хотелось бы заранее обменяться с Вами, чтобы прийти к единому мнению перед его обнародованием на Собрании. На мой взгляд, он должен быть лаконичен и написан в четких формулировках, не поддающихся двусмысленному толкованию. Обо всех деталях встречи я сообщу письмом после получения от Вас ответа. С пожеланиями доброго здоровья и успехов.

Ваш Мариус.»

Отвечая на эти послания, я написал:

«Глубокоуважаемый Мариус Стефанович! Получил от тебя очередное письмо, извещающее о собрании Международной Академии Оториноларингологии 20 – 21 октября с. г. в Иматра (Финляндия) и содержащее другую информацию по существу этого вопроса. Спасибо! Принимаю к сведению. Но, как тебе хорошо известно, у любого Хорошего (в любом виде) есть всегда враг – Лучшее, которое, как тень, идет

неотступно по пятам Хорошего, не дает Ему быть хуже, а, наоборот – всегда стимулирует, напоминает, переживает, помогает стать и быть еще хорошее.

И если, не дай бог, кто-то из нас однажды подумает, а тем более решит, посчитает, что он в своих мыслях и действиях достиг вершины возможного – это крах, бедствие, несчастье, и не только личное. Поэтому, воспринимая твои планы, намерения и уже действия по созданию Академии как реальность, я не столько посвящая свои монологи (письма) с тобой одобрению, восхищению и т.п., хотя они, безусловно, заслуживают этого, сколько критическо-дружескому участию в этом трудном деле, видению в нем не только плюсов, но и недостатков, и своевременному их устранению, за что, как и раньше, прошу на меня не обижаться....

Дорогой Мариус Стефанович! Я, не зная, кто у тебя является ведущим консультантом по решению главного вопроса жизни и деятельности Академии – ее изначального и будущего состава, в том числе делегатов Первого Учредительного Собрания в Финляндии, но очень прошу тебя, сегодня, завтра и в будущем, решать его по принципу – «Друг мне Платон, но истина дороже.» То есть, если ты подумаешь над этим вопросом еще и еще раз, дважды и трижды, он будет решен в 2 – 3 и более раз лучше. Иначе говоря, что будет вначале заложено в фундамент Академии, такой в значительной степени и будет Она по своей сущности».

Тема об Академии, ее формировании и деятельности стала приоритетной практически во всех наших телефонных разговорах того времени и письмах Мариуса Стефановича. Он постоянно, в разных плоскостях, говорил мне о ней и вовлекал в нее. Я соответственно отвечал ему, что-то безусловно поддерживая, что-то просто обсуждая, что-то критикуя, подвергая сомнению.

Одно из таких писем датировано 18 мая 1994 г.:

«Дорогой Мариус Стефанович, добрый день!

Дорогой Мариус, я многократно писал тебе о том, чтобы ты сильно не обижался на мое практически всегда пристрастное отношение к твоим письмам, планам, намерениям, тем более – действиям. Меня к этому всякий раз побуждают не личные амбиции, не какое-то недовольство чем-то, или какие-то корыстные цели, а более важные интересы наших взаимоотношений. Среди них, кроме чисто профессиональных, особое значение я придаю сохранению и приумножению нравственных ценностей в современном Сообществе оториноларингологов, особенно среди Элиты, что в немалой степени определяет все другие аспекты нашей совместной деятельности. К сожалению, и ты, я думаю, в этом полностью согласишься со мной, наше Элитное Сообщество в этом отношении не может быть примером для подражания, что, естественно, не делает нам чести, и ни в какой мере не добавляет общественного авторитета. Только – наоборот, уменьшает их.

В этой связи, любые наши шаги и поступки, тем более коллективные, кроме других критериев, всегда должны оцениваться и с этических, нравственных позиций, о которых мы обычно говорим мало или совсем не говорим. В этом отношении, хотя иногда и говорят, что молчание – золото, но я ему (золоту) в этих случаях предпочитаю искренность, равнодушие, правду.

Мариус, я уже писал тебе в предыдущих письмах о том, что вопросом первостепенной, чрезвычайной важности при создании и дальнейшем формировании Академии является ее Членство, принципы и критерии отбора, избрания, утверждения членов Академии.

Очень хочу, чтобы наша Академия, в отличие от других, была создана и действовала на высокопрофессиональной и высоконравственной основе. Огромная

ответственность в этом лежит на организаторах Академии, заложивших основы и принципы ее Жизнедеятельности, и лично на тебе.

Если в основу, в фундамент Академии будут заложены здоровые, профессиональные и нравственные начала, результаты будут соответствующие, а если даже первые страницы ее будущей биографии вызовут естественное недоразумение у наших коллег – современников – это более чем серьезно (в негативном плане) для отечественной оториноларингологии и наших человеческих взаимоотношений.

Обнимаю тебя и прошу сильно не обижаться на меня за все то, что пишу тебе. Более того, хочу надеяться, что ты веришь в то, что я делаю это не корыстно, не для себя, а в значительной степени даже наоборот, но зато – для нашего общего, полезного Дела и твоего авторитета, в частности. Ведь очень важен истинный авторитет Президента Академии, особенно Первого. Еще раз обнимаю, целую.

Твой А.Г. Шантуров.»

Отвечая на подобные письма (и другие тоже) Мариус Стефанович, обладая врожденным даром настоящего Учителя и уважительной готовностью всегда идти навстречу человеку, особенно коллеге и собеседнику, как правило, умело применял удивительно ровную тональность, без признаков раздражения или неудовлетворенности.

Вместе с тем, разделяя мнение оппонента по тому или иному вопросу, он не подстраивался под него, как бы выигрышно это не было. Таким же он был и в публичных выступлениях – оригинальным, логичным и последовательным, принципиальным, всегда вносил ясность в обсуждаемую проблему.

С момента проведения Первого годичного собрания Международной Академии Оториноларингологии – Хирургии головы и шеи (20 – 21 октября 1994 г., Иматра, Финляндия) прошло 15 лет. За эти годы в различных странах и городах мира (Россия, Финляндия, Швеция, Словакия, Казахстан, Киргизия, Иордания, Армения, Румыния, Украина, Австрия и др.) под непосредственным руководством и при личном участии президента Академии, Академика Российской Академии Естественных наук, Академика Лазерной Академии наук РФ, член-корреспондента Немецкого общества Оториноларингологии, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного доктора наук, заведующего кафедрой оториноларингологии с клиникой Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова Мариуса Стефановича Плужникова было организовано и успешно проведено XXIII Собрания Международной Академии Оториноларингологии – Хирургии головы и шеи. Последнее XXIV Собрание Академии (10 – 12 мая 2009 года, Иордания) впервые состоялось без ее Первого Президента, глубоко и навсегда дорогого и очень уважаемого Мариуса Стефановича Плужникова. О его личностных качествах и заслугах перед Академией, отечественной и мировой наукой и клинической медициной достаточно полно сказал на Собрании его преемник профессор Георгий Абелович Таварткиладзе и другие члены Академии.

Мне лично очень повезло в жизни, что в течение многих лет довелось идти более или менее близко, иногда совсем рядом с ним, обсуждать и решать общие дела, наблюдать его непосредственно и со стороны, учиться у него. Привлекательным в нем было многое – глубокое знание своей профессии, истории, литературы, разных наук и специальностей, философии, политики, иностранных языков, отечественной и мировой культуры в самом широком понимании этого слова. Высокая интеллигентность и большая внутренняя культура; манера тактичного и уважительного отношения к людям; смелость в суждениях и принципиальность; верность своему слову и обязательность; стройность аргументации, логичность и убедительность выступлений

по самому широкому кругу вопросов, завидное владение литературным, научным и разговорным языком; высокая самодисциплина; большая работоспособность и ее эффективность; истинное человеколюбие и многое другое, чем щедро одарила его природа, и что он неустанно и целеустремленно приобретал всю свою сознательную жизнь и щедро дарил людям.

В нем гармонично сочетались физические, интеллектуальные, профессиональные и духовные качества, органично создавая личность, достойную и величавую, Человека с большой буквы.

Феномен Мариуса Стефановича Плужникова заключается в том, что он не просто редкая индивидуальность, талантливая личность, большой врач, ученый, педагог и общественный деятель, достойный гражданин своего отечества, но одновременно – это его учебники, руководства, монографии, литературные произведения, научные идеи, многочисленные ученики и их созидательная деятельность.

Имя Мариуса Стефановича Плужникова по праву следует считать не только личностным, целиком принадлежащим только ему и его семье. Оно уже давно перешагнуло генетические рамки и превратилось в более широкое и реально существующее социальное явление.

Он прожил, к сожалению, не долгую, но очень насыщенную и высоко полезную для людей жизнь, чем заслужил у них искреннее и большое уважение и добрую память.

Когда он уже физически ушел из этого мира, но еще не был предан земле, я отправил в его клинику телеграмму: «Вместе со всеми безмерно страдаем, глубоко переживаем, скорбим невосполнимую утрату выдающегося ученого современности, большого врача, педагога, общественного деятеля национального, международного масштаба, исключительно талантливого клинициста, новатора, Учителя, писателя, бескорыстно доброго, мужественного рыцаря науки, культуры, разносторонне красивого, истинного человеколюбца, уникального донора всего доброго людям, верного, нежного, преданного друга, дорогого Мариуса Стефановича Плужникова.

Профессор Шантуров, коллектив Иркутской Лор клиники, Лор общества с чистой светлой доброй памятью о Мариусе Стефановичу навсегда».

664025, Иркутск, ул. Свердлова, д. 14, ЛОРклиника ИГМУ

Академик Международной Академии Оториноларингологии – Хирургии головы и шеи, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор ИГМУ Шантуров Анатолий Григорьевич.

7.05.2009.

ВСТРЕЧИ С МАРИУСОМ

В.П.Быкова

Моя первая встреча и личное знакомство с профессором Мариусом Стефановичем Плужниковым произошли в 1990 году в г. Оренбурге на Всероссийском съезде оториноларингологов, куда я прилетела вместе с профессором Ольгой Кирилловной Патякиной-Федоровой. У нас с ней только что вышла в свет книга «Заболевания среднего уха», совместная работа над которой окончательно и навсегда связала нас как единомышленниц крепкой и нерушимой дружбой. Как младшая по возрасту и опыту, я безоговорочно приняла покровительство Ольги Кирилловны, бывшей тогда бесспорным лидером в микрохирургии среднего уха. Мы двигались в плотной толпе приглашенных гостей, когда к нам подошел высокий, статный, красивый мужчина, представился и пригласил нас за свой столик, где четвертым членом застолья оказался профессор Р.В.Кофанов. Разговор пошел в русле микрохирургических вмешательств на среднем ухе, способах тимпаноластики и материалах, используемых при реконструктивных операциях. Я чувствовала себя не в своей тарелке, испытывая неловкость из-за того, что основная масса участников съезда находилась в общей зале, а мы оказались в отдельном отсеке в обществе с главным оториноларингологом бывшего Советского Союза. Я уже была много наслышана об этом неординарном человеке и всегда поражалась неоднозначностью характеристик и оценок, которые давали ему окружающие: его или принимали полностью и восхищались им, или отвергали и даже отзывались весьма нелицеприятно. (Кстати сказать, эта полярность мнений и оценок относительно личности и деятельности Мариуса Стефановича сопровождала и последующие наши встречи и контакты, правда, с нарастающим перевесом положительных оценок).

Не вступая в разговор, я внимательно присматривалась к этому человеку, стараясь понять, что же он такое на самом деле. К своему удивлению и удовлетворению обнаружила в нем тонкого, тактичного, воспитанного и эрудированного собеседника, вызывающего симпатию и располагающего к себе какой-то по-детски чистой непосредственностью и скромностью, через которую буквально прорывалась его необычность, словно он сознательно сдерживал в себе готовые вырваться эмоции. Это первое впечатление оказалось самым верным и в последующем только усиливалось, приобретая новые краски и оттенки.

Второй знаменательной для меня встречей с Мариусом Стефановичем явилась Учредительная конференция Российского общества Ринологов, проходившая в г. Курске в 1992 году, где он неожиданно для меня проявил волю и организаторские способности стратега, определившего правильную расстановку сил. Участники тех событий хорошо помнят, что рождение Российского общества ринологов проходило в сложной обстановке обструкции со стороны консервативной части отечественных оториноларингологов, которые увидели в этой акции только сепаратизм организаторов. Геннадия Захаровичу Пискунову, возглавившему идею создания ринологического общества, пришлось приложить немало усилий, чтобы Учредительная конференция состоялась и прошла на высоком научном уровне. М.С.Плужников своим авторитетом поддерживал учредителей. Он приехал в Курск не один, а с иностранными коллегами, их участие в конференции было запrotocolировано, тем самым конференция получила статус мероприятия с международным участием, что нашло отклик у мировой медицинской общественности. В этой ситуации легитимность конференции и ее установления никто уже не мог оспорить, а высокий научный уровень конференции вызвал всеобщее воодушевление участников.

Поддержка такого авторитетного в международных кругах оториноларинголога как профессор М.С.Плужников, дорогого стоила, ибо он один из

немногих отечественных корифеев увидел в ринологии перспективы дальнейшего развития отечественной оториноларингологии в целом, а не узко сепаратистские поползновения организаторов, как это воспринималось, к сожалению, некоторыми недалёковидными противниками ринологического направления. Прозорливость Мариуса Стефановича подтвердилась дальнейшим развитием ринологии в нашей стране. Успехи отечественной ринологии были красноречиво продемонстрированы на 8-м Съезде ринологов России, прошедшем в июне этого года в Оренбурге. Сидя в аудитории и слушая сообщения группы Д.Н.Капитанова относительно трансфеноидальных эндоскопических вмешательств на гипофизе, я думала о том огромном пути, который прошла отечественная ринология за эти 17 лет и вспоминала с благодарностью Мариуса Стефановича, который сумел разглядеть в ринологии центральное звено технологически совершенной и результативной эндоскопической хирургии, с помощью которого была вытянута вся цепь технического переоснащения оториноларингологии в целом, включая широкое использование в практике оториноларингологов компьютерной томографии и других компьютерных инноваций. Эта способность увидеть перспективу поступательного развития своей специальности и поспешествовать ее реализации – редкое качество немногих по-настоящему глубоких умов и благородных характеров. Деятельность М.С.Плужникова по организации Международной академии оториноларингологии – хирургии головы шеи (IAO-HNS) – особая тема, заслуживающая, на мой взгляд, тщательного научно-исторического анализа. Оценка той роли, которую сыграла и продолжает играть IAO-HNS в развитии отечественной и мировой оториноларингологии еще ждет своего исследователя. Я упоминаю о ней в связи с темой воспоминаний о Мариусе, так как именно членство в этой Академии определило возможность рабочих контактов и, следовательно, общения с Мариусом Стефановичем, его ближайшим окружением, коллегами и друзьями, как и возможность частых поездок в Санкт-Петербург – один из красивейших городов мира. Начну с того, что именно Мариус Стефанович пригласил меня на ежегодную сессию Академии выступить с научным докладом, а затем предложил мою кандидатуру в качестве члена-корреспондента Академии. Для меня как патоморфолога, работающего в области патологии ЛОР органов, подобное предложение было большой честью, и я с радостью его приняла.

Летом 1996 года мы в составе делегации из 20 человек ехали в микроавтобусе северо-западным маршрутом по побережью Финского залива через город Выборг в направлении города Хельсинки, где должна была проходить очередная годовичная сессия Академии. Пока выезжали из Санкт-Петербурга, Мариус Стефанович щедро дарил нам свой город. Он великолепно знал историю каждого значимого дома и каждой улицы, его знаменитых основателей и созидателей. О великих зодчих и их великих творениях рассказывал так, словно был их современником и живым свидетелем их подвижнического труда. Чувствовалось, что он не просто переполнен знанием города, его истории и историей его созидателей: Город был его вторым «я», его alter ego, его душой, он сам был творением этого города, олицетворял его культурное наследие и исторические традиции, составляя с ним неразделимое единство. Далее пошли пригороды Петербурга, и опять то же самое неудержимое желание поделиться с коллегами из других городов роскошным великолепием своих царственных владений. Я уже не говорю о знании литературы, поэзии, романистики, переживании судеб петербургских писателей и поэтов...

Я много ездила по туристическим маршрутам и знаю, с какой отдачей могут работать гиды. Мариус Стефанович мог заткнуть за пояс любого гида, порой выкладывался наизнанку, не по обязанности, а по внутреннему побуждению, никогда не следовал официальной версии того или иного события, а пытался собрать и донести хотя бы осколки исторической правды или передать нам свое видение происшедшего.

С ним было чертовски интересно! Иногда в пути он озорничал, запевая лихую песню, мы все подхватывали дружным хором, и автобус мчался по автостраде, содрогаясь от мощного припева. Вообще команда Мариуса Стефановича всегда тщательно готовила культурную программу, и я не припомню ни одного случая, чтобы мы обманулись в своих ожиданиях.

По приезде в Хельсинки мы осмотрели достопримечательности города, затем поселились в одном из пригородных пансионатов, где прошло заседание Академии, и где я выступила с докладом о морфологии слизистой оболочки носа и морфогенезе носовых полипов. По окончании заседания, его участники совершили коллективное омовение в ближайшем аквапарке, а вечером морским паромом «Мариэлла» мы отплыли в направлении шведской столицы. В Стокгольме в клинике известного Sjdor госпиталя профессору Стигу Хаглунду и вновь принятым членам из числа наших товарищей, включая меня, были вручены дипломы, подтверждающие членство в Академии. Впервые в жизни мне пришлось выступить с ответной благодарственной речью на английском языке, тщательно подготовленной накануне с помощью Елены Вадимовны Березкиной, бессменным секретарем и помощником Мариуса Стефановича, которая проживала совместно со мной в одной каюте гостеприимной «Мариэллы». Затем профессор Стиг Хаглунд лично показал нам ЛОР отделение и познакомил с организацией работы в клинике и поликлинике, а после обеда сопровождал нас в прогулке по исторической части Стокгольма, где стоит ратуша и где вручаются Нобелевские премии. Незабываемое время и незабываемые впечатления! Потом будут Иордания с Амманом и Петрой, Астана, Бишкек с Иссык-Кулем, снова Санкт-Петербург с Валаамом и Новгородом, Бухарест, Антверпен с Гентом и Брюгге, Алма-Ата с высокогорным Медео и много других замечательных мест, придуманных для нас и реализованных кипучей энергией Мариуса Стефановича.

Особого упоминания заслуживает истинное подвижничество Мариуса Стефановича в организации и проведении под эгидой Академии конференции молодых оториноларингологов. Обязательно на английском языке, обязательно в присутствии международного жюри, обязательно с ответами на вопросы членов жюри и соответствующей оценкой выступления участника по установленным правилам (регламент времени, научная ценность, оформление презентации, язык, понимание вопросов и правильность ответа). Молодые ученые, набравшие наибольшее число баллов, становились призерами и награждались дипломами и поощрительными наградами: стажировкой в ведущих зарубежных клиниках, годовой подпиской на профильный научный журнал, современным руководством, например, по лазерной хирургии и т.д. Для молодого специалиста это была прекрасная возможность попробовать свои силы в мировой науке, начальная ступень приобщения к профессиональному мировому сообществу. Из числа бывших призеров выросли ныне признанные специалисты и руководители клиник и кафедр, Ю.Ю.Русецкий, С.А.Карпищенко и многие другие. Мариус Стефанович, который всегда готовил своих учеников для участия в этом конкурсе, категорически раз и навсегда отказался от чести возглавить жюри и вообще работать в его составе, полагая, что своим присутствием он нарушит демократизм и объективность судейской коллегии. Его ученики каждый раз заслуженно получали первые места, так как на кафедре знание иностранного языка и работа над ним вменялись в обязанность каждому сотруднику, а тем более, молодому специалисту. Вспоминаю, как на одной из конференций первое место завоевала моя воспитанница Ирина Петровна Василенко, получив в качестве приза приглашение на месячную стажировку в клинику Мейо (США) и подъемные в сумме 2000 долларов, а ожидаемый кандидат на 1 место из числа учеников М.С.Плужникова получил второе место. Мариус Стефанович был явно огорчен таким поворотом событий и не скрывал этого. Мы возвращались с заключительного банкета пешком по Невскому проспекту:

Ирина Петровна оживленно беседовала с доктором Гагаузом из Молдавии, Елена Вадимовна, Мариус Стефанович и я молчали, думая каждый о своем. Неожиданно Мариус положил мне руку на плечо и с чувством произнес: «Эх, Валюха, Валюха» и больше не проронил ни слова. Этот инцидент, однако, ни в коей мере не нарушил наше взаимоуважение и установившиеся паритетные отношения. Более того, на следующий раз Мариус Стефанович предложил мою кандидатуру в члены международного жюри и теперь я приезжаю на ежегодную сессию Академии не только в качестве докладчика и супервизора, но и в качестве члена жюри.

Членство в Международной Академии дает мне как научному работнику очень много: возможность общения с ведущими специалистами и интересными людьми, совершенствование языка, знакомство с новыми городами и странами, возможность, говоря высоким стилем, держать руку на пульсе мировой науки, а главное, постоянное чувство востребованности, несмотря на уходящие годы. Все это хорошо понимал Мариус Стефанович и воспитывал молодое поколение в нужном направлении, прививая молодым людям своим примером чувство гражданской ответственности, патриотизма, сочетающегося с уважением к мировой науке и культуре. Он сам являл собой гражданина мира, известного даже в отдаленных уголках земного шара, оставаясь истинным патриотом своего Отечества, горячо любящим свой прекрасный город, в котором он вырос и сформировался как Личность.

Не зная и не уважая другие народы и другие культуры, нельзя по-настоящему знать и любить свою страну и достойно ее представлять – вот что я поняла из общения с Мариусом Стефановичем Плужниковым.

В сентябре этого года, уже в который раз, я еду в Санкт-Петербург на встречу с Мариусом. Так было, так есть и так будет, ибо этот прекрасный город олицетворяет для меня мир, душу и сердце Мариуса, его интеллигентность, высокий и самобытный ум, впитавший в себя богатейшее культурное наследие, историю и интернациональные традиции этого замечательного города. И пока стоит и красуется этот великолепный город на Неве, в нем незримо продолжает жить и благотворить бессмертная душа Мариуса, распахивая передо мной гостеприимные объятия любимого города, настраивая на ностальгическую волну и окутывая флером светлой благодарной печали.

МАРИУС ПЛУЖНИКОВ

Гришков О.В.

Он пришел к нам одновременно с Борей Мартыненко в 4-й класс. Это был высокий худощавый мальчик с длинными волосами, зачесанными назад. Ему пришлось догонять нас по английскому языку, но он быстро наверстал отставание и стал одним из лучших учеников в группе Анны Федоровны Исаковой. Хорошо учился он и по другим предметам. Сидел он за одной партой с Мишей Мартыновым, и эта их связь сохранилась на всю жизнь. Он быстро вошел в группу лидеров класса.

Мариус рос в семье врачей, что, видимо, и предопределило его поступление в 1-й Медицинский институт. В студенческие годы мы с ним почти не виделись, хотя наши институты расположены недалеко друг от друга. Благодаря своим способностям и целеустремленности он быстро продвигался по карьерной лестнице и в конце концов стал заведующим ЛОР-кафедрой с клиникой. Здесь развернулся его блестящий талант хирурга и организатора науки. Его работы, использовавшие новейшие достижения лазерной техники, получили мировое признание, а сам он был избран президентом Международной Академии оториноларингологии. Его прекрасное знание английского языка помогло ему свободно чувствовать себя на многочисленных международных конференциях и конгрессах, где он выступал с докладами. Он побывал во многих странах Европы, в США, Египте, странах СНГ.

Несмотря на предельную занятость, он сумел поддерживать отношения с одноклассниками, многим из которых он оказывал медицинскую помощь. Мне самому довелось лечиться в его клинике, а моя жена многократно проходила там курсы лечения, за что мы ему глубоко благодарны. Я знаю, что он помог М.Мартынову, М.Семенову, Л.Шустику, В.Кириллову и многим другим нашим ребятам.

Как-то обсуждая с ним его работу в клинике, мы подсчитали, что за все время через нее прошло около 100 тысяч пациентов. Это население приличного города.

Мариус сыграл решающую роль в организации 50-летнего юбилея 213-й школы в 1998 году и в публикации этой книги воспоминаний наших одноклассников.

В 90-е годы проявилась еще одна грань его таланта. Он издал сборник рассказов и книгу воспоминаний. Наполненные меткими наблюдениями и точными психологическими характеристиками, они представляют несомненный интерес.

И еще об одном факте хочется сказать. Он победил тяжелую болезнь и остался в строю. И это, может быть, самое главное. Когда я заходил к нему на кафедру, он обычно угощал меня чаем. Эти свободные 10-15 минут мы часто разговаривали по-английски. Иногда он читал мне свои короткие рассказы или фрагменты воспоминаний. А как-то раз прочел стихотворение на английском языке. Потом оно появилось в научном журнале, откуда я его переписал:

*The days of yore my breast was heaving
The days of yore I was believing
In love and friendship, truth and justice
The days remote, bygone and fastest
And what I left? Regret and sorrow
And what is further? Just grief tomorrow.*

Но я верю, что несмотря на эти сожаления и ламентации, впереди у него многие годы творческого труда, делающие его жизнь осмысленной и прекрасной.

Глядя на седовласых джентльменов, в которых превратились теперь мои одноклассники, мне все время представляются мальчики тех школьных послевоенных лет. Что-то вроде явления импринтинга, открытого Конрадом Лоренцем, запечатления на всю жизнь. Эта двойственность восприятия присутствует во время общения с моими милыми школьными товарищами и помогает нам легко и просто понимать друг друга, несмотря на разность жизненных путей. И так будет всегда.

Май 2005 года.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

(Мариусу Стефановичу Плужникову посвящается)

Карпищенко С.А.

3.11.2008.

О том, что этот человек был уникален, нет смысла говорить тем, кто его знал. Знали его, безусловно, многие: родственники, друзья, коллеги, ученики, пациенты, читатели и просто случайные знакомые. И каждый знал его по-своему, сталкиваясь с какой-либо гранью этой неординарной личности. Каждый имел право сформировать свое впечатление, кто-то с восторгом, кто-то с восхищением, а кто-то и совсем наоборот, тем не менее, всегда было очевидно, что никто не оставался к нему равнодушным.

Сейчас, когда его нет уже почти два месяца, мне кажется, пришло время высказать на бумаге свои собственные впечатления ученика, проработавшего под его началом 15 лет. Срок не малый, хотя, хотелось бы больше, и эта надежда так недавно еще жила во мне. Но, случилось, то, что случилось, и я вынужден говорить о нем в прошедшем времени.

Теперь можно сказать то, что раньше не позволяла сделать субординация, теперь можно быть немного фамильярным, теперь можно не бояться, что тебя обвинят в подхалимаже.

Как человек, оказавшийся, на его рабочем месте, в его кабинете, и по его желанию, я не могу не рассказать о том, с кем мне посчастливилось работать все эти годы, как это было, и какая система взаимоотношений позволяла подготовить уникальный коллектив специалистов. Коллектив, несмотря ни на какие внешние и внутренние разногласия, свойственные людям, работающий слаженно и безотказно, как единый организм, устремленный к одной общей цели. Иногда мне кажется, что коллективу, созданному Мариусом Стефановичем, вообще не нужен руководитель. Объединение его самых близких учеников работает самостоятельно, нужно только обозначать задачи.

Я до сих пор не знаю точно, что бы я конкретно хотел написать о Мариусе Стефановиче в этом повествовании, но знаю точно, что необходимо вспомнить какие-либо факты биографии, рассказанные им самим, вспомнить поучительные истории из житейской и клинической практики. И, наконец, попытаться понять, как формируются люди подобного масштаба, способные оставить свой огромный яркий след в специальности, после ухода которых из жизни люди, не стесняясь, говорят: «Это была эпоха Плужникова».

Мариус Стефанович Плужников родился 5 марта 1938 года в Ленинграде. Отец его Стефан Иванович Плужников был военным оториноларингологом, работал на 1-й в России и СССР кафедре и заведовал отделением при самом Владимире Игнатьевиче Воячке. В детстве Мариус Стефанович мечтал совсем о другой карьере, но, как оказалось, влияние отца внесло свою лепту в будущее. Мариус Стефанович с любовью и свойственным ему чувством юмора рассказывал о службе отца на Дальнем Востоке и в Монголии и о своем восприятии того периода жизни. Эмоциональность и колорит историй о Дальневосточном детстве невозможно передать на бумаге, нужно видеть глаза рассказчика. И все же попытаюсь.

«Монголия славится своими бескрайними просторами, огромными степями и невероятным количеством копытных и жвачных животных. Часть животных, в основном лошадей, человеку удалось обуздать, но большинство осталось абсолютно дикими, или одичало. Так вот именно эти абсолютно дикие и создавали

многотысячные табуны и стада мелких лошадей, осликов, а подчас неведомых гибридов. Всем скопом они перемещались по стране в поисках подножного корма. Для них не существовало и не существует границ, они идут туда, куда направился вожак. Им все равно куда идти, и никому не под силу изменить их маршрут. Если на пути стада возникает город, это не проблема, для животных населенных пунктов не существует, они как перелетные птицы перемещаются ведомые зовом генетической памяти. Для города, наоборот, появление стада – стихийное бедствие, но монголы привыкли его не замечать. Иногда это даже удобно. На любого «зверя» можно сесть верхом и ехать незамеченным. Никакого общественного транспорта не нужно. Мы с мальчишками часто пользовались этими биомаршрутками. Так же как и на современной «Газели» маршрут изменить невозможно, мы много раз пробовали, бесполезно. Удавалось только ненадолго остановить, за небольшое угощение. Но назад или в сторону животное не пойдет, ни под кнутом, ни под пряником.

Позади стада оставалось много «лепешек». Мы делились на команды, отмеряли расстояние и кидали плоские камни в эти удобные мишени. Задача состояла не только в попадании, но и в создании максимального количества брызг. Казалось бы, что может быть безобиднее игры, похожей на «дартс» и городки одновременно? Ан, нет, если монгол заставлял нас за этим занятием, он непременно в ярости выбегал с палкой или кнутом, разгоняя нас, несмотря на всю любовь к русским. Мы-то тогда еще не понимали, что испортив «лепешку», лишали его семью единственного вида топлива.

Еще одной популярной игрой было заставить верблюда плюнуть в окно второго этажа школы. Однажды удалось попасть прямо во входившего в класс учителя. Ни разу директор школы не подумал, что верблюд совершил точный плевок самостоятельно и тем более случайно. Задача состояла только в выявлении его дразнившего».

«Берлинский солдат»

Еще он хорошо помнил войну. В то время он был еще ребенком, но всю жизнь говорил о ней как о личной трагедии, накапливая, вспоминая и анализируя славные и чудовищные факты того времени. Источником новой информации, прежде всего, были люди, с которыми ему довелось встретиться. Только однажды Мариус Стефанович рассказал 8-го мая на утренней конференции свои собственные воспоминания об увиденном возвращении войск после Победы. «По Каменноостровскому проспекту медленно шла колонна усталых людей с выражениями лиц подобными солдату, ставшему образом монумента в центре Берлина. Среди них не было юнцов. Это были мужчины с грустными, выдавшими виды глазами, а возраст определить было невозможно. По команде колонна остановилась. Они положили каски прямо на землю и привычно уселись на них верхом. Крики ликования их встречавших смолкли, все замерли. И тут среди наступившей

тишины со всех сторон побежали дети, они кричали: «Папа, папа!!!». Настоящих отцов среди пришедших не было, но никто не сказал: «Я не твой отец».

Мариус Стефанович всегда с огромным уважением относился к ветеранам и людям старшего поколения. Это чувство он прививал и нам, своим ученикам. Он категорически не прощал непочтение к старшему по возрасту. Пожалуй, это было одной из самых больших провинностей. Несмотря на всю властность характера, он

подчас мог простить непочтение к себе, но если видел хамство со стороны молодого врача по отношению к «старой гвардии», это означало конец карьеры того на кафедре. И если он сталкивался с подобными фактами, то очень сильно переживал и расстраивался. Он не понимал, как такое возможно. Однажды я был тому свидетелем. Он был потрясен одной из подобных, пусть и редких ситуаций, и единственное, что смог сказать известный своим красноречием Мариус Стефанович: «Ты смеялся над стариком?»...

2.01.2009.

Позади еще два месяца без Мариуса Стефановича, закончился семестр. Прервать повествование пришлось потому, как совершенно не было возможности выделить относительно спокойный промежуток времени для размышления. Знаменитая кафедра Плужникова забирает все время без остатка. И как это здорово, что система, созданная Мариусом Стефановичем, работает сама и заставляет людей соответствовать. К счастью, есть Рождественские каникулы и Пражские вечера...

О своих школьных годах в Ленинграде Мариус Стефанович рассказывал не много, но сколь много они для него значили, было очевидно. Уже потому, что самыми частыми гостями на кафедре были одноклассники по «Первой английской». Почетный номер школы отражал не только высокий статус учреждения, в котором готовили потенциально будущих дипломатов, но и хронологию. Это была первая английская школа в Ленинграде, исключительно для мальчиков. Думаю, что одной из причин будущей популярности «английских» школ в Ленинграде была как раз высокая и выдающаяся успешность первых выпускников «первой английской». Она была хороша, во многом, потому что была первой. Равно как и Царскосельский лицей был знаменит своим первым выпуском. Со временем подражание и массовость неизбежно приводят к деградации.

Обложка книги
«Первая английская»

«Первая Английская»

Школа находилась в самом центре Ленинграда, на берегу Фонтанки, в ста метрах от Аничкова моста на стороне дворца Белосельских – Белозерских. Именно находилась, потому как сейчас, и это символично, там находится Банк. Это здание Мариус Стефанович показал мне сам, когда мы ехали на машине на очередное

заседание городского ЛОР-общества в институте на Бронницкой. О своей юности Мариус Стефанович почти не рассказывал, но в тот вечер, к счастью (как я это уже понимаю сейчас), мы попали в знаменитую пробку на набережной Фонтанки, и я хоть что-то смог узнать о той жизни. С другой стороны Аничкова моста находилась библиотека, куда ходили заниматься и готовиться к урокам мальчики из «первой английской». Библиотека существует и сейчас. Это фундаментальное здание, доминирующее своим классическим фасадом над соседними домами. В наше время трудно себе представить мальчиков, идущих заниматься в библиотеку, из «трижды» английской школы.

Библиотека

О своих чувствах Мариус Стефанович любил говорить не словами, а делами. И что может быть более наглядным подтверждением любви к своим одноклассникам, педагогам и школе, чем изданная при его активном участии книга – «Первая английская».

Еще, тогда в «пробке», он рассказал о том, как пришел «недавно» навестить свою школу, а

его попытался не пропустить охранник новоиспеченного банка. Мариус Стефанович сказал тому в ответ, по моему представлению, с тем же искренне удивленным выражением лица: «Вы что, я же здесь учился». Конечно же, его пропустили. Непреодолимых препятствий, дверей кабинетов и учреждений для Мариуса Стефановича не существовало. Но нашел ли он там, в этом здании, что-либо от той школьной атмосферы среди офисных ремонтов и интерьеров?

О непреодолимых барьерах: Мариус Стефанович любил возить в подарок принимающим профессорам хрустальные сабли наполненные коньяком. На нашем, русскоговорящем пространстве подобный предмет не вызывает каких-либо опасений. Но вот при пересечении границы Соединенных Штатов возникла проблема. «Сабля» имела крайне угрожающий вид для величайшей из демократий. Можно себе представить, во что это могло бы вылиться, особенно если знать о глубине чувства юмора и творческого начала сотрудников пограничных служб. (Кто не знает, прочитайте рассказ Мариуса Стефановича – «Рисунок»). Мало, кто мог бы без последствий или потерь выйти из ситуации.

«Сабля»

Мариус Стефанович приложил саблю к бедру и властным голосом, на оксфордском английском языке, приказал офицеру американской таможни встать на

колени. Бедняга от неожиданности оторопел, и как это было принято и у нас на кафедре, быстро и беспрекословно подчинился. «Магистр» Плужников, приложив саблю к погону офицера, произвел посвящение в рыцари ордена Госпитальеров, без тени улыбки на лице. Работа таможен Соединенных Штатов была временно парализована из-за возникшей очереди таможенных офицеров, забывших о служебных обязанностях, и бросившихся на посвящение в коньячные Госпитальеры...

Не много я видел людей, способных не подчиниться Мариусу Стефановичу. Когда я его впервые увидел, меня это обстоятельство несколько шокировало. Почему люди могут столь спокойно, не меняясь в лице, выслушивать нелицеприятные вещи в свой адрес. Сейчас ответ на этот вопрос для меня исключительно прост. Для окружающих и близких людей он сделал столь много, что послушаться или нагрубить, означало, примерно, то же самое, что сделать это по отношению к собственному отцу.

Мало что могу рассказать о его студенческих годах и о решении поступать в медицинский институт. Казалось бы, сыну военного врача была открыта дорога в Военно-Медицинскую Академию. Выпускнику первой английской был прямой путь к дипломатическому образованию. Куда угодно, только не в женский медицинский институт. Слышал я лишь историю о том, как мальчишки, выпускники школы, поленились стоять в очереди для подачи документов в один из ВУЗов и рванули через Карповку туда, где в тот момент очереди не было. Никаких доказательств истинности этой истории не имею. Налицо факт – человек с кругозором и базисным образованием на уровне дипломата для медицинского ВУЗа – огромное приобретение.

О студенческих годах Мариус Стефанович почти ничего не рассказывал. Понятно, только то, что он до крайности гордился опытом работы в качестве медбрата. Очень часто, когда это было необходимо, он демонстрировал свои знания в области сестринского ухода за больными. Любил рассказывать, как учился делать внутривенные инъекции. Причем, на первый взгляд, что для хирурга какая-то там «банальная» инъекция. Ни в коем случае. Для него умение ее выполнить являлось очень важным критерием профессионализма. Последние месяцы жизни, когда ему самому необходимо было часто переносить эту процедуру, он с большим терпением объяснял медицинским сестрам, как это сделать лучше и правильнее.

Так же мало я знаю о периоде становления Мариуса Стефановича как врача, ученого и, в последующем, руководителя крупной университетской клиники. Наверное, Мариус Стефанович не рассказывал об этом не потому, что хотел скрыть какие-то «секреты», а скорее для того, чтобы каждый смог пройти свой путь самостоятельно, не копируя и не подражая. Хотя, безусловно, в большей или меньшей степени все мы подражаем кому-либо, иногда не очень осознанно, и, конечно, чаще своим учителям.

Так, например, мне неоднократно доводилось слышать от старших коллег впечатления современников Вильгельма Фомича Ундрица, видевших молодого Мариуса Стефановича. Они говорили: «Посмотрите, это же молодой (или маленький) Ундриц».

Вильгельма Фомича Мариус Стефанович действительно считал своим учителем и основной путеводной звездой. Хотя, к сожалению, ему посчастливилось работать под началом Вильгельма Фомича всего 2 года. Тем не менее, очевидно, – эти 24 месяца сделали свое дело. Думаю, многие хотели бы быть похожими на Ундрица...

С большой любовью Мариус Стефанович описал в одном из своих рассказов встречу с Владимиром Игнатьевичем Воячком, который должен был выступать оппонентом у него на защите кандидатской диссертации. Были и другие яркие представители нашей специальности, которых, безусловно, ценил Мариус Стефанович. Но были среди тех, кого он истинно считал своими учителями не только врачи. Особо следует отметить профессора Бориса Ивановича Грудинко, заведующего кафедрой иностранных языков I ЛМИ. Многие годы Мариуса Стефановича и Бориса Ивановича

объединяла творческая дружба учителя и ученика. Я хорошо помню, как много и с каким удовольствием Борис Иванович работал над научными текстами, помогая доводить английский перевод до совершенства. Будучи лингвистическим экспертом, знавшим английский язык не хуже русского, он в последующем много работал и над литературными произведениями.

Гармоничные отношения между людьми не могут складываться только в рамках служебного времени и обстановки. Мариус Стефанович и Борис Иванович довольно часто вместе проводили выходные дни и часы досуга. Подчас самые выдающиеся идеи или решения приходят в минуты, когда человек отдыхает и может сбросить с себя напряжение повседневности. Так и возникла идея создания «Международной Академии Хирургии Головы и Шеи» (IA-HNS).

В аудитории кафедры с профессорами J.Krespi и J.Lindemberger. 2006 год

В президиуме международной конференции. 2006.

Однажды, на заре «перестройки» Мариус Стефанович и Борис Иванович гуляли по лесу в окрестностях Комарово с корзинами. Беседа шла обо всем и ни о чем. Спешить было некуда, завтра воскресенье, вечером баня, на ужин – жареные с картошкой грибы ... Что может быть лучше? И, вдруг, Борис Иванович произносит: «Мариус! Советский Союз рухнет в ближайшее время! Поверь моим словам, и учти в своей работе!». Борис Иванович не мог быть более подробным, поскольку не малый отрезок своей жизни был связан с профессиональной разведкой. Тогда Мариус Стефанович об этом немного знал, и потому, несмотря на присущую каждому Советскому человеку уверенность в неколебимости коммунистических идеалов и государственности, поверил и напрямую отразил в своей последующей деятельности. Это и было решение о создании Академии! Единственный способ сохранить страну в рамках одной маленькой специальности, и предоставить ее отечественному руслу

приток свежей родниковой воды всемирного опыта, развития и творчества.

С того дня прошло уже почти два десятилетия. И теперь мы можем судить и оценивать важность и дальновидность того диалога в лесу близ Комарово. Мы могли и вовсе не узнать о мотивации создания столь важного и уважаемого международного института, не Расскажи об этом Мариус Стефанович в последние месяцы жизни. Благодаря той беседе и способности мудрецов двух разных возрастов, а ведь Мариус Стефанович был тогда еще довольно молод, подумать о следующих поколениях. И о том, как они будут существовать в профессии.

Мне видится, что основная задача учителя состоит не в требовании, хотя без него часто тоже не обойтись, но в обеспечении возможностей для своих учеников. И желательно, чтобы ученики поначалу и не подозревали, что условия им обеспечили. Лучшая благодарность учителю – успешные ученики – продолжатели его дела.

Мариус Стефанович очень любил Бориса Ивановича и до последнего дня навещал его, был частым гостем. А после кончины Бориса Ивановича так же относился к его супруге. Она и по сей день, когда уже нет самого Мариуса Стефановича, приходит к нам на кафедру.

Возможно, многие люди оказали влияние на Мариуса Стефановича, но очевидно одно, создал он себя сам. Столь талантливый человек в любом случае реализовался бы, не зависимо от окружения, от которого он попросту впитывал лучшее. Да и что говорить, об образах учителей мы узнали от него исключительно потому, что он сам был учителем на столько, что все, что он произносил и делал, имело воспитательное значение.

В клинике. 2005 год.

Пожалуй, более всего о своем шефе я как раз мог бы сказать, как об учителе. Это одновременно и просто и до крайности сложно. Просто потому, что все эти 15 лет он для меня таковым и являлся. Сложно потому, что невозможно описать каждый день этого невероятно творческого и деятельного человека. Я должен был писать летопись. Каждый день он открывал что-то новое, показывал все более неожиданные грани своего таланта, почти никогда не повторяясь. Каждый день он работал и вел себя

предельно собранно и мобилизовано, задавая тон всем остальным. Он беспрерывно преподавал. Преподавал оториноларингологию, медицину в целом, саму жизнь и систему взаимоотношений с незнакомыми и близкими людьми. Он удивительным образом умел быть учителем для студентов, молодых врачей, своих родственников, людей старшего поколения, начальства, людей, не имеющих отношения к медицине, и даже собственных пациентов.

Особенно, еще в большей степени, чем обычно, Мариус Стефанович мобилизовался, когда речь шла об интересах и престиже кафедры и его подопечных.

Тогда мы с гордостью видели другого Мариуса, неожиданного, нового, недостижимого и непостижимого в его знаниях. В такие часы он был сверхинтересен не только для людей, видевших его не ежедневно, но и для нас, которые уже должны были слышать и видеть все. И вот такие, чаще всего международные мероприятия, в исполнении Мариуса Стефановича становились еще более значительным уроком для всех его учеников. Своим отношением он, прежде всего, показывал, что к специальности нельзя относиться потребительски, получая только от нее. Высота планки профессионализма неосвязаема, неизмерима. И чем выше уровень, заданный учителем, тем больше перспектив у его учеников и у профессии.

Как сейчас помню день, когда я впервые увидел Мариуса Стефановича. Это было в клинике, на обходе. Формально это выглядело так же, как и в других клиниках, тогда еще I ЛМИ. Профессор переходит от палаты к палате, а позади него тянется «хвост» из медицинского персонала. Интерес в глазах, как правило, тает в зависимости от степени удаленности от начальника. (Так все виделось мне – студенту). Здесь же все было совсем не так. Интерес в глазах не зависел от дистанции. Никому не приходилось однообразно «докладывать» пациентов, на память, воспроизводя результаты анализов. Солировал Мариус Стефанович. По каждому пациенту он просил: «Два – три слова!». А затем следовала совершенно нестандартная лекция, интереснейшие примеры из собственного, и не только, опыта, украшенная веселыми и трагическими историями. Где уж тут было угаснуть интересу. Тем более, что каждый из присутствовавших мог получить вопрос, не имеющий ответа. В тот день Мариус Стефанович выглядел усталым, как я потом узнал, после многочасового перелета он сразу из аэропорта пришел в клинику. Но это, ни в коей мере, не позволило ему упустить еще один полноценный рабочий день. В тот день я впервые был удивлен хладнокровию профессорско-преподавательского состава по отношению к не очень приятным словам. Это был своеобразный тест на выдержку. Для Мариуса Стефановича люди, неспособные проявить самообладание в любой, самой шокирующей и больно ранящей самолюбие ситуации, были профессионально непригодными. По крайней мере, в хирургии. Он старался как можно раньше выявить «эмоционально неустойчивых», и защитить от них коллектив...

Мариус Стефанович приучал стоять на активной хирургической позиции. Он говорил об этом даже на лекциях для студентов. Кстати говоря, подтекст его лекций был в большей степени рассчитан на молодых отоларингологов, присутствовавших в аудитории. Информации вполне хватало и студентам, не замечавшим этого подтекста, но при этом лекционный азарт и театральность позволяли вложить максимум в головы тех, кто уже определился с профессией. Активная хирургическая позиция подразумевала более предпочтительное отношение к оперативной тактике в тех случаях, когда чаша весов балансировала между консервативным подходом и инвазией. Он всегда приводил в качестве примеров ярчайшие случаи из собственного клинического опыта, когда отказ или промедление с принятием решения о хирургическом вмешательстве приводили к негативным, плачевным и трагическим последствиям. Все мы прекрасно знаем, что подчас причиной отказа от вмешательства служит некоторая боязнь, неуверенность в собственных хирургических возможностях или результате операции. Мариус Стефанович учил не пытаться найти медицинское «обоснование» собственной неуверенности, а действовать хладнокровно и при этом абсолютно профессионально.

Как и в любой другой ВУЗовской клинике, мы постоянно сталкивались с нестандартными ситуациями и пациентами, перед которыми развели руками врачи других учреждений. Я не помню ни одного случая, когда бы Мариус Стефанович «отказался» от кого-либо из этих пациентов, сославшись на «неумение», «невозможность», «занятость» и т.п. Регулярно он сталкивался с клиническими

наблюдениями впервые в жизни. Постоянно к нам приезжали пациенты со всех концов бывшего СССР с одним устным направлением: «Езжайте в Петербург, только Мариус поможет». И Мариус помогал. Пациенты подобного рода не могли быть вписаны в какой-либо стандарт и прооперированы в общем потоке. Я прекрасно знаю, как напряженно он продумывал нестандартные операции, и даже имея колоссальные знания и опыт, перечитывал базисные руководства по нашей хирургии и освежал в памяти анатомические тонкости. Если было необходимо, он непременно звонил коллегам из других лечебных учреждений, независимо от рангов, когда это было необходимо в интересах больного.

Хорошо было «благоденствовать» за спиной человека, берущего на себя все аспекты кафедральной и клинической работы, да еще домашние проблемы своих подчиненных. Небезызвестно, что за спиной сильных руководителей, взваливающих на себя всю тяжесть ответственности, подчас формируются не очень дееспособные (без шефа) коллективы. Мариус Стефанович об этом прекрасно знал и строго следил, чтобы подобного не случилось. Делал он это просто: каждому, с различной периодичностью он давал либо мизерное, пустяшное, словно бы мимоходом, либо наоборот – трудновыполнимое задание. О результатах того и другого спрос был обязательно. Нельзя было рассчитывать, что данное «мимоходом» задание будет забыто. Правда, на моей памяти никто на это и не рассчитывал. Ну а трудновыполнимое было возможностью проявить свое творческое начало. Если задача была сложной и в его понимании, Мариус Стефанович обязательно помогал, но никогда не выполнял эту работу сам, «дабы показать свои умения». Если речь шла о научной работе, он неизменно связывался с компетентными и грамотными специалистами других медицинских, и не только, направлений. Он мог отправить молодого врача за советом, например, к директору какого-нибудь серьезного института, а иногда пригласить последнего и на кафедру.

Если речь шла о хирургии, Мариус Стефанович действовал иначе. Он прекрасно знал хирургические возможности всех своих сотрудников. Когда он видел, что хирург способен выполнить вмешательство, но не имеет должного опыта и попросту боится, он самостоятельно «подбирал» пациента, назначал обозначенного хирурга лечащим врачом и объявлял: «Завтра Вы мне ассистируете». Наутро говорил: «Начинайте без меня». Когда операция начиналась, и процесс уже был необратим, то «случалось» нечто такое, почему Мариус Стефанович не мог покинуть свой рабочий кабинет, и хирург-ассистент должен был «спасти» своего профессора, что и происходило.

Бывало и по-другому. Мариус Стефанович мог пригласить хирурга к себе в кабинет, чтобы показать пациента, выслушать мнение: «Дескать, в данном случае мы не сможем помочь больному». А потом рассказать по пунктам, что нужно сделать, какого числа, в каких условиях, где и чем нужно выполнить разрез. Очень хорошо помню два таких случая со мной. Не буду вдаваться в детали, кроме того, что речь шла о запущенных злокачественных опухолях. Даже сейчас, по прошествии ряда лет, могу сказать, что вряд ли решился бы выполнить эти операции. В обоих случаях подход был совершенно уникален. Результат налицо, оба пациента живут до сих пор и приезжают поздравлять с Новым Годом. А установка звучала просто: «Идешь и делаешь то-то и то-то», – не более чем в трех пунктах.

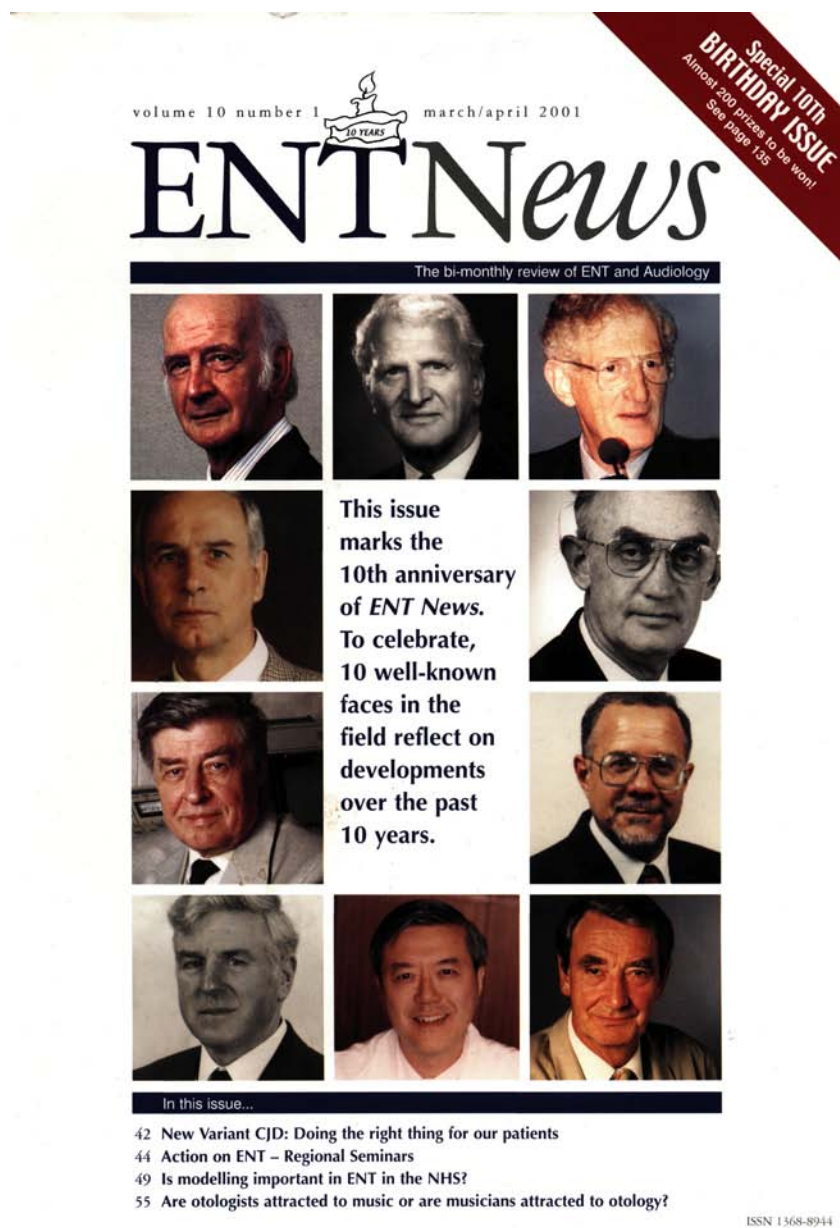
Никогда Мариус Стефанович не противодействовал и самостоятельному творчеству своих учеников. Поощрялись к воплощению любые идеи, пусть даже самые «сырые» или ведущие к не совсем определенной цели. Имела значение даже сама попытка что-либо сделать. Если человек заблуждался, он имел возможность разобраться в этом без тяжелого присутствия административного ресурса. Такой подход создавал здоровую конкуренцию и дух соревнования между врачами. Иногда Мариус Стефанович открыто говорил нескольким молодым врачам одной возрастной

категории: «Хочу, чтобы между Вами получилось соревнование». На непрофессиональный взгляд – довольно опасный педагогический прием, особенно учитывая известное врачебное высокомерие. Но Мариус Стефанович очень строго следил за тем, чтобы «побеждающий» или «победивший» в таком соревновании не «зазнавался». В случае, если подобное случалось, зазнайка без промедления получал строгий урок в весьма жесткой форме, несмотря на «заслуги».

**Вручение мантии «Почетного доктора» СПбГМУ им.акад.
И.П.Павлова. 2008**

Вспоминать о Мариусе Стефановиче Плужникове можно до бесконечности. Почти половина вековой истории нашей кафедры связана с присутствием и деятельностью этого великого человека. Множество историй из его богатой, захватывающей, наполненной творчеством жизни достойно отдельного подробного описания. И все они, обязательно, были бы интересны. Надеюсь, что со временем мы выпустим сборник воспоминаний его учеников, коллег, знакомых, родственников и пациентов. Может быть, мы посвятим памяти Мариуса Стефановича один из номеров созданного им международного журнала «Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae». Всеу свое время. Память, как раз и проверяется временем. А пока главное, что мы – ученики Мариуса Стефановича Плужникова можем сделать в память о своем учителе, это продолжить его дело. Общими усилиями сначала не растерять, накопленный им багаж, а потом преумножить его великое дело – школу **профессора ПЛУЖНИКОВА**.

Обложка журнала «ENT News»

ПИСЬМО ПАЦИЕНТКИ ЛЮДМИЛЫ СЕРГЕЕВНЫ.

*ЗАВЕДУЮЩЕМУ КАФЕДРОЙ ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИИ С КЛИНИКОЙ
СПБГМУ ИМ. АКАД.И.П.ПАВЛОВА ПРОФ. С.А.КАРПИЩЕНКО*

Уважаемый Сергей Анатольевич!

Прочитала все 3 книги (проф. М.С.Плужникова). Очень Вам благодарна. Над чем-то поплакала (очень человеческие), в то же время живая история на определенном временном отрезке, как раз моем тоже. Должно быть интересно для коллег-профессионалов, бесценно для близких, мне кажется, очень полезно для молодых, особенно петербуржцев-патриотов своего города. Так как мы все потенциальные (и не потенциальные) пациенты, полезно для всех, особенно любителей заниматься самолечением (распространилось в 90-е годы). Как-то удивительно автору удалось на своем (из врачебных записок) специфическом материале передать, какая бездна человек (создание Божие) даже в физическом смысле.

За профессионализм хочется в ноги поклониться и автору, и всем-всем его уважаемым коллегам (героям) ушедшим и живущим...

Теперь же как-то все соединилось в ощущениях: необыкновенной теплоты, сердечности, человечности от книг и от атмосферы отношений в клинике (в отношениях в коллективе, в отношении к больным). Все время хочется говорить: «Спасибо за все».

АНОНСЫ

Конференция, посвященная памяти заведующего кафедрой оториноларингологии
СПбГМУ им. акад.И.П.Павлова, профессора М.С.Плужникова
Состоится в Санкт-Петербурге, 16-17 сентября 2009 года

В сентябре 2009 года на базе кафедры
оториноларингологии СПбГМУ им. акад.
И.П.Павлова состоится третий международный
мастер-класс по микрохирургии среднего уха под
руководством профессора Тюбингенского
университета (Германия) Э.Штайнбаха (E.Steinbach).

Дополнительная информация:

Россия, Санкт-Петербург

197022, ул. Льва Толстого 6/8

СПбГМУ им. акад. И.П.Павлова,

Кафедра оториноларингологии

тел: +7 (812) 499 70 19, e-mail: marius@spmu.rssi.ru

Вторая Дальневосточная конференция оториноларингологов с международным
участием « Наука и практика в оториноларингологии», посвященная 75-летию
юбилею кафедры оториноларингологии ДВГМУ
состоится в Хабаровске, 8-9 октября 2009 года

**Институт Отоларингологии им. А.И.Коломийченко
Украинское научное медицинское общество оториноларингологов
Украинская ассоциация отиатров, отонейрохирургов и отоневрологов
проводят**

«Семинар по микрохирургии уха»

28-30 октября 2009 года, Киев.

Дополнительная информация: (380-44) 4837047

e-mail: doctor@g.com.ua

www.otology.com.ua

Согласно решению Проблемной учебно-методической комиссии по оториноларингологии ЭГОУ «Всероссийский учебно-методический Центр по медицинскому и фармакологическому образованию» от 23 апреля 2007 года издательством «Диалог» г.Санкт-Петербург подготовлены к печати учебные пособия: «Ситуационные задачи по оториноларингологии» под редакцией проф. М.С.Плужникова и Г.А.Георгиади, «Практические умения по оториноларингологии» проф.Г.М.Портенко, М.С.Плужников, Г.В. Лавренова, «Справочник по оториноларингологии» под редакцией С.А. Карпищенко – «Неотложная помощь» под редакцией С.А. Карпищенко и А.А. Блоцкого. Все издания имеют грифы УМО и включены в список обязательной литературы для подготовки студентов. Для формирования заказа просим Вас сообщить количество пособий.

Стоимость:

- 1 экз. «Ситуационные задачи по оториноларингологии» - 150 руб.
- 1 экз. «Практические умения по оториноларингологии» - 120 руб.
- 1 экз. «Неотложная помощь по оториноларингологии» - 150 руб.
- 1 экз. «Справочник по оториноларингологии» - 200 руб.

Заказы направлять в адрес издательства: 190000, С-Петербург, а/я 417
тел/факс (812)718-59-18
e-mail: meddialog@mail.ru

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Название статьи (title of the paper)

Название статьи должно находиться в центре. Только первое слово в названии и имена собственные должны начинаться с заглавной буквы. Название должно быть кратким и информативным. Не начинайте статей с артиклей или предлогов. Расшифровывайте сокращения, если они не являются общепринятыми.

Авторы, их должности и места работы (authors and affiliations)

В центре. Пропустить одну линию между именами авторов и их должностями и местами работы. Не включайте ученые звания (Др., Проф., PhD). Следует указывать полный адрес.

Реферат статьи (abstract)

Реферат должен располагаться на две линии ниже адреса. Напечатайте «реферат статьи» на отдельной строке, заглавными буквами, по центру и выделите жирным шрифтом (или подчеркните). Реферат статьи следует ограничить до 200 слов. Ниже включите список до 10 ключевых слов и расположите его под рефератом статьи.

Заголовки (principal headings)

Помещайте заголовки на отдельной строчке по центру, все буквы в заголовке должны быть заглавными и выделены жирным шрифтом (или подчеркнуты). Разделы должны быть последовательно пронумерованы (например, 1, 2, 3...).

Подзаголовки (subheadings)

Располагайте подзаголовки на отдельной строке, выровните по левому краю, заглавными должны быть первая буква первого слова подзаголовка и имена собственные. Подзаголовок следует выделить жирным шрифтом или подчеркнуть. Подразделы должны быть пронумерованы согласно следующему примеру: Раздел 3. 1 является первым подразделом раздела 3; подраздел 3. 2. 1 является подразделом 3. 2.

Сокращения (acronyms)

Если сокращения встречаются впервые, то, кроме самых распространенных, их следует расшифровывать, при этом сначала должна быть напечатана расшифровка сокращений, а за ними в скобках должны быть указаны сокращения, например, liquid phase epitaxy (LPE) или Extreme Ultraviolet Explorer (EUV).

Формулы (equations)

Формулы следует печатать. Если это невозможно на Вашем печатающем устройстве, аккуратно вписывайте требуемые математические символы черными чернилами (не используйте синие чернила или карандаш). Используйте арабские цифры для нумерования формул, номера формул указывайте справа в скобках. Нумеруйте формулы последовательно.

Рисунки (figures)

Фотографии, рисунки, схемы, диаграммы и подписи к ним следует прилагать только отдельными файлами. В основном тексте указать место желаемого расположения рисунка (рис. 1, табл. 1. и т.д.).

Благодарность (acknowledgements)

Раздел, в котором выражается благодарность за техническую или финансовую поддержку, должен следовать за текстом, но перед ссылками на использованную литературу.

Список использованной литературы (references)

Обозначьте сноски в тексте цифрами в верхнем индексе. В конце статьи приведите список ссылок по порядку. Сноски должны содержать следующую информацию:

1. Для статьи в сборнике или главы в книге: имя автора, название статьи или главы, название издания, имя редактора, номер издания (если таковой имеется), название издательства, город, год, страница.
2. Для книги; имя автора, название книги, использованные страницы или главы, название издательства, город, год.
3. Для журнальной статьи: имя автора, название статьи, название журнала, год, том, номер журнала, номера страниц, использованных для написания статьи.

(Например: Jecker P., Westhofen M. Detection of head and neck lymph nodes using B-scan and colour image sonography. Folia ORE-PR. 1998. 4. 3–4. 68–75)

Носитель: Присылаемые в редакцию работы должны сопровождаться электронной копией на 3,5” диске или CD ROM. Носитель не должен содержать вирусов. На этикетке необходимо четко указать название работы, фамилии авторов и тип текстового редактора. Предпочтение отдается текстовому редактору Microsoft Word.

Материалы, присланные в адрес редакции не возвращаются.

INSTRUCTIONS TO AUTHORS

FOLIAE OTORHINOLARYNGOLOGICAE ET PATHOLOGIAE RESPIRATORIAE publishes original articles, reviews, short notes, case reports and ORL workshops. Letters to the Editor, short communications concerning ORL. Society activities, and short historical notes are also accepted. Articles will be accepted on condition that they will be translated into English by the author (s). A covering letter must accompany all submissions and must be signed by all authors giving their full names and surnames. The covering letter should state whether the work has been published and if so, where, when and in what language; the exact bibliographic data should be cited. The first named author (or indicated, if in an alphabetical order) is responsible for ensuring that all the authors have seen and approved the manuscript and are fully conversant with its contents. Rejected manuscripts will not be returned to the authors unless specifically requested.

Ethics

The Journal publishes all material relating to human investigation and animal experiments on the understanding that the design of the work has been approved by ethics committees in the country of origin.

Preparation of manuscripts

Authors are responsible for the accuracy of their report including all statistical calculations and drug doses. When quoting specific materials, equipment and proprietary drugs, authors must state in parentheses the name and address of the manufacturer, and generic names for drugs. The paper should be submitted in English and the authors are responsible for ensuring that the language is suitable for publication. Original articles should normally be in the format of introduction, methods, results, discussion. Each manuscript should contain key words and summary on a separate page. Lengthy manuscripts are likely to be returned to authors for shortening. The discussion in particular should be clear and concise, and should be limited to matters arising directly from the results. Number of the tables and figures are unlimited but within reasonable limits, otherwise they are to be returned for shortening. Short notes and original observations are presented in a brief form. They should follow the standard format of introduction, methods, results and discussion, but no summary is required and they should not exceed 500 words with five references and one table or figure. Case reports should contain no more than 400 words with one figure and five references. ORL workshops describe technical innovations or modifications that may be useful in practice. These articles should contain less than 500 words and no more than two figures and five references.

Typescripts

The manuscript **MUST** be accompanied by a diskette or CD ROM. It is essential that the manuscript (in 1 copy) be clearly reproduced (laser printer) with adequate space for editorial notes. Papers must be printed on A4 paper (210:297mm) on one side of the paper only with double spacing and 4 cm margins. Manuscripts that do not conform to these requirements will be returned to the authors for recasting. Each paper should contain illustrations with legends in the text.

References should be typed with double spacing and each starting from the new line in the alphabetic order of the authors names. In the text, references should be numbered in brackets.

Diskettes

Manuscript may be submitted on 3,5 inch diskette or CD ROM. One paper should be written as one file only. Disks must be clearly labeled with the name of first author, manuscript number, software used and the name of the file to be processed. It is important that the material submitted to the editors in disk form must be accompanied by two copies as above. The legends for illustrations should be included in the disk. Whilst most computer and word processor disks can be accepted the preferred combination are either – Microsoft Word for Windows 97, Microsoft Word 2000 or Microsoft Word 2002 (XP).

Reference

It would be helpful for some authors to read an excellent book that has been written for doctors whose first language is not English: "Writing Successfully in Science", M. O'Connor, Chapman & Hale, 1991, ISBN 041 446308.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Стоимость подписки за четыре номера – 1000 рублей.

Для оформления подписки Вам необходимо:

- оплатить стоимость подписки почтовым переводом;
- заполнить прилагаемый ниже талон и копию квитанции об оплате и направить в редакцию по адресу: **Россия, Санкт-Петербург 197022, ул. Льва Толстого 6\8, кафедра оториноларингологии**

Подписной талон

Прошу подписать меня на журнал
«Folia Otorhinolaryngologiae et Pathologiae Respiratoriae»

Ф. И. О. _____

Место работы и должность _____

Домашний адрес: _____

Личная подпись _____

Наравне с оригиналом принимаются ксерокопии подписных талонов.

СОДЕРЖАНИЕ

Editorial Board.....	3
Из книги «Первая Английская»	
Плужников Мариус Стефанович.	4
The Reverend Roger Stubbings,	12
Воспоминания Мариусе Стефановиче Плужникове	
Ольшанский В.О.....	13
Фейгин Г.А.....	14
Вспоминая друга	
Качалов В.	16
Мариусу Стефановичу Плужникову...	
Рябова М.А.....	17
Наш добрый друг	
М.П. Грудинко.....	22
Эрудиция, обаяние, душевная чуткость	
(из воспоминаний одноклассника)	24
Памяти великого человека	
Журавлев А.	27
Светлая и благодарная память	
Орлова В.....	28
Спасибо тебе за все, дорогой Мариус Стефанович!	
Шантуров А.Г.	29
Встречи с Мариусом	
В.П.Быкова.....	36
Мариус Плужников	
Гришков О.В.	40
Памяти учителя	
Карпищенко С.А.....	42
Письмо пациентки Людмилы Сергеевны.	53
АНОНСЫ	54
Образец оформления статьи	56
Instructions to authors.....	57
Условия подписки.....	58
Содержание	59

Журнал оториноларингологии и респираторной патологии

Главный редактор – Таварткиладзе Г.А.
Заместитель главного редактора – Карпищенко С.А.
Верстка и дизайн – Шахназаров А.Э.

Подписано в печать
Формат 1/16 п.л.
Бумага офсетная Печать офсетная
Тираж 1000 экз Заказ №
Отпечатано в типографии

© IAO-HNS 2009

Перепечатка допускается только с разрешения редакции, ссылка на журнал обязательна